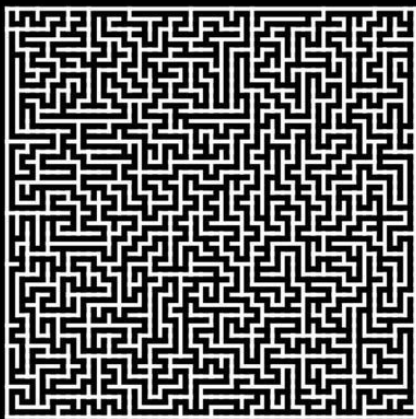

18+

ШРАЙ

КАРТИНЫ ИЗ ЛАБИРИНТА

Шрай

Картины из лабиринта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63619268

ISBN 9785005301697

Аннотация

Безымянная девочка, бредущая сквозь зыбкие миры, пытается вспомнить цель своего путешествия. Богиня, обречённая раз за разом проходить через душераздирающий ритуал, теряется в мире-фотокарточке. Сн приходит в себя в подземной пещере, где неосознанные рабочие исполняют механические процедуры на конвейере таинственной Машины. Цветные камешки персонажей складываются в фрактальную мозаику в зеркальных стенках повествования, в лабиринт, из которого тебе предстоит найти выход.

Содержание

Книга I	5
~слепой путник~	5
~станция~	13
~улей~	16
~бутылочное дно~	20
~амфитеатр~	28
~пластилиновая река~	33
~влаз~	45
~нарисованный старик~	58
~часовая деревня~	80
– [] —	128
~лабиринт~	137
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Картины из лабиринта

Шрай

посвящается тебе

© Шрай, 2024

ISBN 978-5-0053-0169-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга I

– Направления —

~слепой путник~

Казалось, что подъем никогда не закончится. Я то и дело поднимала взгляд вверх и оценивала, сколько еще до вершины. Я устала от этого тусклого мира и спешила выбраться прочь, благо оставалось совсем немного; я уже различала детали двери: серое покрытие, алмазную ручку. Дверь была вонзена в грунт на вершине холма, и до нее было еще двадцать... двадцать пять шагов?

– Скорее двадцать пять, – сказала Фая бестелесным голосом. – Ты посмотри, как красиво.

Я оглянулась. С вершины открывался панорамный вид на мир: отстраненные скалы Минарелей, напоминающие потемневшую от задумчивости фольгу, периодически мерцающую бирюзовыми вспышками обитателей. Двадцать пять шагов. Двадцать четыре. Двадцать три.

– Постой! – раздался густой голос за спиной.

– Кто это? – я вздрогнула и обернулась.

Передо мной на кривом, будто наспех нарисованном ко-

не с высоченными паучьими ногами восседал старик. Худощавый, завернутый в ниспадающий кусок материи неопределенного цвета.

– Прошу простить мою бестактность, – сказал он и сделал плавный жест рукой.

– х~~~>>! – выразилась я, заодно проверяя, понимает ли он грани.

– <>, – кивнул он в ответ и отплыл немного назад. Оказалось, что конь не стоял, а парил в воздухе на незаметной высоте.

– Меня зовут Путник, – сказал он.

– Не обозначена, – представилась я.

– Прошу прощения, – поклонился он. – Ни в коем случае не хотел вас испугать.

– Ничего, – сказала я.

Обращаясь ко мне, Путник смотрел куда-то вдаль:

– Хоть мне и не рассмотреть вашу, без сомнения, прекрасную форму, мне видно, что вас двое и что идете вы в неверном направлении. Не будь так, я бы ни за что не потревожил вас, но любовь к порядку просто не позволяет мне пройти мимо подобного недоразумения.

– О чем это вы? – спросила я.

– Видите ли, я слеп. Возможность смотреть мешала мне видеть, так что я отказался от зрения давным-давно. У этого, конечно, есть свои неудобства, но они ничто по сравнению

с преимуществами. – Он провел перед глазами своей по-детски растопыренной ладонью и улыбнулся. – Вы, верно, полагаете, что эта дверь – выход наружу, что, конечно, очень логично, но, как зачастую бывает с логичностями, неверно. На самом деле это переход на Негатив Минарелей – своего рода обратную сторону мира, предназначенную для вечного хранения. Кроме того, что там нечем дышать от скопленных древностей, я вижу, что оттуда еще и нельзя выбраться. Не самое подходящее для вас место. Идущему не место там, откуда нельзя уйти, так ведь? Я знаю, где находится выход, но прежде чем направить вас туда, молю, не откажите мне в любезности, небольшой разговор – все что мне нужно. Вот уже с десятков миров не встречал я никого, способного поддержать беседу.

Конь шумно выдохнул, будто ставя точку. Я покосилась на дверь. Она, конечно, никуда не денется. К тому же старик был определенно интересен.

– Отчего нет? Беседа не повредит, – согласилась я, невольно подражая его манере выражаться.

Путник улыбнулся и воздел ладонь к небу. Из нее вырвалась спица и раскрылась широким зонтиком, образуя вокруг нас беседку. Старик спешил, и конь тут же стал почти невидимым. Затем он шевельнул мыслями, и из земли сплелись два кресла и столик. Я села и осторожно откинулась на спинку. На внутренней стороне купола беседки морфились причудливые орнаменты, создавая атмосферу уют-

ной карусели.

– Хорошо, да? – сказал он, ощупывая кресло руками, прежде чем расположиться. – Не припомню, когда последний раз разворачивал эту выдумку.

– Мне нравится, – сказала я.

– Видите эти узоры? Они из необозначенного места. В каком-то смысле этот орнамент оно и есть.

– Как это?

Путник сделал жест рукой.

– В этих узорах заключена история мира, в котором, кроме истории, больше ничего нет. Он завершен. Так решили обитатели. Они настолько увлеклись прошлым, что в итоге полностью потеряли интерес ко всему новому. То, что ты видишь, – великий труд лучших художников, запечатлевших все когда-либо произошедшее в том мире в мельчайших деталях. Картина была признана абсолютom, к которому ничего нельзя добавить, не испортив, и было принято решение отказаться от любого рода деятельности. Мне довелось быть свидетелем этой остановки. Эмоциональный фон выдался просто невероятный. Вообразите себе миллионы созданий, осознанно избирающих смерть в пользу одного-единственного творения. Естественно, я запомнил его с собой. До сих пор чувствуется исходящий оттуда импульс. Выглядит, должно быть, восхитительно.

– Да, – сказала я, взглянув на орнамент по-новому. Его любопытная замысловатость казалась теперь исполненной

фатальным величием.

– Это интересно, – нарушил возникшую паузу Путник. – Вас двое, но выглядишь только ты одна. Я, конечно, не знаю, как именно, но могу предположить. Позволишь?

– Пожалуйста, – кивнула я, примиряясь с тем фактом, что говоря «Вы», всадник не галантничал, а подразумевал присутствие Фаи.

– Ты выглядишь как девочка в темно-синем платье и туфельках. У тебя длинные черные волосы и большие глаза... карие?

– Синие, – сказала я и задумалась о значении слова «слепота».

Путник смотрел сквозь меня не моргая.

– Все, что выглядит, выражается так потому, что хочет казаться тем, что выглядит, – сказал он.

Я склонила голову набок. Это была любопытная мысль. И совершенно непонятная.

– Но нельзя забывать, что это лишь мелкая часть огромного целого. Притом наиболее обманчивая. Иллюз... – добавил он задумчиво.

– Я выгляжу, потому что хочу казаться тем, что выглядит как я?

– Определенно, – кивнул он.

– А если я захочу выглядеть как вы?

– В таком случае ничто не в силах тебе помешать. Ты будешь выглядеть в точности как я.

Фая улыбнулась с уголка ума. Она явно наслаждалась беседой.

– Ты выглядишь так для себя и других, – сказал старик. – Это красивая картинка; абсолютная в некотором роде, но, внутренне подражая тому, как ты выглядишь, и приравнивая себя к этому, ты теряешь из виду остальные части своего великолепия, которые продолжают существовать вне зависимости от того, осознаешь ты их наличие или нет. Выглядеть – это выбор, который должен быть сделан осознанно, а не от боязни не выглядеть. Иначе это потеря, а не обретение. <xI.

Из центра столика въехал винтовой лесенкой кран, из которого полилась прозрачная жидкость с пузырьками.

– Это Таннос. Попробуй, рекомендую.

Я приблизилась к крану и сделала глоток. Напиток был чистый на вкус. Его пузыристость будоражила кровь. Думать стало яснее, цвета взыграли, а орнамент высвободился из-под купола и забегал по воздуху витиеватой змейкой, очаровывая. Вдали бирюзово вспыхнули три минарельца подряд.

– Нравится?

Я засмеялась в ответ, не в силах сдержаться. В груди тепло заискрилась детская жизнерадостность. Прежде она будто была заперта внутри, а теперь вырвалась на волю. Таннос освободил ее. Путник сделал глоток и замер, глядя белыми глазами прямо перед собой и загадочно улыбаясь.

– Мы похожи с тобой, – сказал он наконец.

– Чем? – спросила я, не в силах оторваться от орнамента, который становился все интереснее.

– Мы идем. Проходим насквозь, не задерживаясь дольше, чем нужно, чтобы перевести дух. Цели, которые возникают по дороге, непостоянны – и чем дальше мы идем, тем меньше придаем им значения. В конце концов, ты отбросишь их все и будешь просто идти, безо всяких причин. Потому что так оно и было всегда, – он замолчал и сделал движение губами. Это показалось мне крайне забавным. Голос его завкрадывался: – Конечно, это пугает нечто в тебе. Что-то, что боится не выглядеть, не быть, не значить. У тебя уже нет имени, тебе оно ни к чему. Имя сковывает, обязывает быть тем, что названо. Но форма – это то же самое. Однажды тебе станет очевидно, что нечего бояться. Вообще нечего. Особенно тебе, с твоими способностями.

– Мне далеко до вас, – скромно сказала я, втайне польщенная комплиментом.

– Ближе, чем ему до тебя, – ответил он, имея в виду коня, который еле заметным контуром скучал неподалеку.

– Но его же нет самого по себе, он – ваша выдумка, разве нет?

– А что есть само по себе? – спросил Путник, наклонившись вперед. – Все мы выдумки друг друга, да и вообще – все это сон, помнишь?

То ли от особого тона вопроса, то ли от Танноса по телу прошла прохладная волна чего-то смутного.

– Воображение – единственное, что имеет значение, – сказал он. – Если не умеешь придумать – нету. А ты многое можешь придумать. У тебя широкое воображение. Здесь это главное. А здесь – оно везде. И чем ты сложнее, тем богаче мир вокруг. И запутаннее, конечно. Но разве это не прекрасно?

С этими словами он вдруг выпрямился и взмыл с кресла одним движением.

– Благодарю за разговор. Я перевел дух, а значит, нужно идти. Да и тебе пора. Дорога не ждет.

Я встала и оправила платье. От Танноса все еще покачивалось и вибрировало, но уже не так сильно.

– Вам спасибо, пусть я и не понимаю многое, но все же, – сказала я.

– Поймешь, – ответил он, складывая беседку в ладонь. – Садись на коня, он отведет тебя к поезду. Только не слезай с него до самого конца, а то потеряешься.

Я подошла к коню и дотронулась до него. Он оказался вязкий на ощупь, как плазма.

– Не бойся начинать – все начатое завершается. А книга начал не имеет конца, – сказал путник полуулыбкой и перестал выглядеть.

~станция~

Тоннель расширился, развораживая прозрачные стеки вниз. Ниспадая водопадами, они тут же обрастали магнитным инеем, принимая причудливые формы. Через мгновение капсула состава, перехваченная невидимыми креплениями, пулей вырвалась из горизонтального тоннеля и понеслась по воздуху. Небо стремилось мимо с умопомрачительной скоростью.

Внутренние стенки вагона переливались цветами; царила абсолютная тишина. Выемка сидения, на котором я разместилась, выглядела стеклянно, но была мягкой и согласной с любым положением тела. Других пассажиров не было. Атмосфера сжалась мягкой пружиной в предчувствии приближающейся станции; туманная вдохновенность окутала меня шероховато.

«Каково это там? – думала я. Неизвестность.»

На этот раз направляющий сон, один из тех, что указывают, куда дальше, выдался мутный. Я помнила лишь опадающие в бездну алые лепестки, ветер и отражающие плоскости. Ничего больше.

Ртутный шар под потолком прошелся рябью, и из него прошуршал неуловимо знакомый голос: «Осталось два с половиной оборота». Остаток пути я воображала вариации грядущих просторов, закусив губу.

Наконец каскад едва осязаемых иголочек промчался по спине электрическими мурашками. Скорость плавленно обнулилась, и шар точно мигнул. Поезд прибыл. Двери трамвайно разъехались. Я выглянула в окно.

Станция представляла собой серебристый цилиндр, не больше двадцати шагов в диаметре, обрывающийся со всех сторон в никуда. Цвет этого «никуда» плавно перетекал от пепельно-серого до ослепительной белизны. Вдали, у линии горизонта, грациозно завивались лазурные лошади облаков. Я подошла к дверям вагона и осторожно вдохнула. Воздух снаружи пах озоном и еще чем-то неизвестным, но приятным.

Одним движением мысли я спрыгнула с поезда, и он тут же исчез, как и не было.

Я двинулась к краю платформы. Здесь, так же как и в поезде, было тихо; только мои туфельки грифельно стучали о поверхность.

Гладкая игла станции уходила в бесконечный низ, без намеков на входы или выходы. По крайней мере, физически. Я села на край, свесила ноги в пропасть и сосредоточилась.

Контурные треугольников.

Зеленые контуры.

Они вращались.

Их углы находили друг на друга.

Проекция.

Фрагменты.

Луч на центр лба.

Сложила пальцы в форму фазы и
синхронизировалась.

Окружение превратилось в меня,
И наоборот.

Я понимала символы потока.

Они дарили подарки себя.

Шептала им: «Я принимаю вас!»

И все улыбалось в ответ,

Будто распознавая пароль.

Теперь «Здесь» любило меня
и распахивало ворота.

~улей~

Я оказалась внутри станции. Место напоминало массивную лифтовую шахту. Я сидела на узком бордюре у самого потолка. Большую часть пространства занимала неказистая органическая башня, вздымающаяся в шахте как цветок в перевернутом стакане. Тысячи пчелинозанятых существ копошились в ней: вытянутые тела и быстрые выгибы конечностей. На лицах – выпуклые шары глаз. У каждого на спине было вроде обтекаемого рюкзака, или баллона. Детальнее разглядеть я не могла – слишком шустрые.

Внизу панорама разворачивалась сумрачно-утробным многоугольником: ульем, винтом, уходящим в темноту. Я перевела взгляд на потолок. На нем была нарисована белая спираль, которая слегка флуоресцировала. Поверхность Станции-шпиля, на которую я прибыла, находилась по ту сторону спирали.

Пути вверх не было. Только вниз. Я могла бы спуститься по каскадным уровням улья, но зачем идти пешком, если можно полететь? Моргнув, я сходу придумала себе крылья: они выглядели как плотная бумага с высеченными капиллярными узорами. Под каждым крылом было вроде керосиновой лампы, подогревающей снизу. Они выглядели как стратосферные шары, сконструированные мухами. Я подвигала лопатками вверх-вниз: крылья послушно шуршали в такт

моим желаниям. Я заметила, что улей гудит; причем гул нарастал как в громкости, так и в тональности: от железного «м-м-м-м-м» до «у-у-у-у-у».

– Успей до яркости, – сказала Фая.

Ее интуиция еще ни разу не подвела. Что бы ни происходило, она будто все знала наперед. Это было ее таинственным свойством, что не давало мне покоя.

– Это ты все рисуешь? – спросила я ее, но она, по обыкновению, промолчала. И пусть.

Между бордюром, на котором я сидела, и ульем зиял промежуток расстоянием в длинный прыжок. При помощи крыльев я могла бы нырнуть в пропасть и проскользнуть по воздуху вниз, между стеной и ульем, не касаясь этой чужеродной органики. Я примерилась. Это было возможно.

– Амая, – сказала я и затажной осой метнулась в пропасть.

Вблизи проносящаяся мимо материя улья выглядела ребристо, сотами, складками. Пламя керосинок под крыльями сглаживало повороты, оборачивая меня вокруг, снижаясь. Спуск шел плавно. Копищащиеся силуэты были поглощены своей непонятной работой и не обращали внимания на падающего пришельца. «Наверное, для них меня не существует, – подумала я. – Как для многих многие».

Чем ниже, тем сумеречнее, и конца этому видно не было, а неясная звуковая тревога уже сбивала воздух. Гомон закладывал уши, как под водой. Вместе с тем все вокруг стало набирать яркости, и вскоре стенки подземелья стали различ-

мы, будто внутренний костер отбрасывал судорожное пламя, расширяясь.

«У-у-у-у-у-а-а-а-а-а-а-а», – взгудел звук, и крылья мои задрожали. Было слишком поздно. Словно достигнув границы, что-то лопнуло, и пространство озарилось белым светом.

Мои крылья столкнулись. Я ослепла, упруго врезалась в вертикальную материю улья и впиалась в нее пальцами. Несколько мгновений я широко моргала глазами, пока картинка не стабилизировалась.

Существа заняли позиции по краям улья и богомольно тряслись, обращенные вовне. В новом освещении место походило на внутренности исполинского алого цветка с ульем-тычинкой.

Его стенки, испещренные туннелями кровеносных сосудов, медово вспыхивали в такт происходящему. Все это, несомненно, было древним ритуалом. Баллоны на спинах насекомых один за другим раскрывались хлопками, высвобождая танцующие искры, которые тут же влеклись к стенам и впитывались в них. Аура места переполнялась благоговеющей радостью, смешанной со страхом; мне хотелось смеяться и кричать от ужаса, настолько это было эпично.

«Держись. Слышишь меня? Слушай мой голос. Я здесь. Держи себя в руках. Не поддавайся, или сольешься. Тебе нужно вниз. Оторвись от этого. Ты слышишь меня? Это Фая. Это Фая, а тебе нужно вниз. Прямо сейчас», – звучал голос в моей голове.

Рваным движением я подорвалась с места и тут же упала. Колени дрожали. Правое крыло разорвалось пополам, на левом сломалась керосинка и обвисла бессмысленным грузом. С хрустом оторвав крылья от лопаток, я покатила вниз, цепляясь за поверхность улья руками, пальцами, ногами. Гул вышел за диапазон и перестал быть слышен, но я чувствовала его всем телом. Он проникал внутрь, стремясь к сердцу. Я знала, что, доберись он туда, меня больше не будет. По крайней мере, отдельно от гула.

По мере продвижения вниз поверхность улья выровнялась и не была более отвесной. Теперь я не катилась, а бежала, наклонившись вперед. С четверть оборота я прорывалась сквозь арки и выщербленные ступеньки, подальше от гула, когда от стен с космической простотой начали отпадать лепестки. Они внушительно скользили в бездну, тончайшие. Гигантские падающие лепестки из направляющего сна. Вместе с тем гул иссяк.

«Значит, все происходит как должно быть», – подумала я. От этого стало спокойней. Дрожь утихла, и я перешла на шаг, шумно дыша.

– Молодец, девочка, – раздался взволнованный тон Фаи.

– А ты во мне сомневалась? – задорно ответила я, но голос все-таки дрогнул.

~бутылочное дно~

Пейзаж переходил в изумрудный и шел уже не ребрами, а скатами, отчего иногда приходилось скользить боком, чтобы не упасть. Скоро мои ноги устали, и я присела, прислонившись спиной к прохладной стене улья-тычинки. Лепестки продолжали падать, плавно сворачиваясь на лету в оригамные лодочки. Это завораживало.

«А ты кто?» – внезапно раздалась мысль с детским оттенком «ня», вроде апострофа на конце смысла.

Я ответила локаторным интересом, пытаюсь определить направление источника.

«О, прости'ня, лепесток смотри на».

На одном из снижающихся лепестков замерцал силуэт мальчика с внимательными глазами и правильными чертами лица. Он сидел, скрестив ноги, естественный и светлый.

– Я Сн из Стен. А ты не похожа на рабочего. Кто ты?

– Не обозначена, – сказала я, с интересом глядя на Сн. Вокруг него лодочка лепестка продолжала усложняться, и вот уже намечался алый корабль. Взбухала, потрескивая, мачта; из тонкого податливого материала вырезалось рулевое колесо.

– Никогда не встречал необозначенных. Ты мне нравишься'ня, – улыбнулся он, ускользая вниз. Когда лепесток почти ушел из поля зрения, Сн исчез и тут же возник на другом,

повыше.

– А что ты тут делаешь? Ты видела Обнадежду? Страшно, ня?

– Да, – ответила я и вздрогнула от воспоминания.

– Мне не нравится тоже. Тут только и говорят, что о вспышках да лепестках. Хотя лепестки мне нравятся: на них можно кататься, но никто не знает как. Да и не хотят. А я знаю, – гордо сказал он. И немного помедлив, добавил: – И хочу. Ня.

– А как кататься на лепестках? – Мне стало любопытно.

– Ну у тебя не получится, это нужно из Стен быть'ня. Когда ложишься спать... – тут он моргнул на верхний лепесток, – ...иногда говоришь во сне. Многие в Стенах говорят во сне. Даже сами стены говорят, но очень тихо. И я научился так говорить, чтобы вместе со стенами. И знаешь что? Они начали мне отвечать! Я никому ничего не рассказываю, но тебе скажу, – заговорщески зашептал он и подался вперед. Судя по всему, он уже целую вечность хранил секрет и жаждал поделиться.

– Ведь на самом деле, пока лепестки не опадают, – они же и есть Стены'ня. И если их хорошо попросить, то можно выйти наружу. И каждый раз перед Обнадеждой я ложусь спать. Никто в Стенах не спит тогда, кроме меня. Все смотрят. Многие говорят, я странный, потому что пропускаю Обнадежду. Наверное, так и есть'ня. Ты думаешь, я странный?

– Я думаю, да, – честно ответила я.

Мальчик нахмурился.

– Но это же хорошо – быть странным, – добавила я. – Я вот тоже странная. Наверное.

«Наверное», – эхом отозвалась Фая.

– Правда? А что там, внизу? Совсем ничего нет? Темно? Так в Стенах говорят. Но ведь они же говорят, что нельзя наружу выйти, а я выхожу – врут ведь'ня. Скажи мне. Что там? Я не могу до самого дна упасть, просыпаюсь.

– Не знаю, я там еще не была.

Мой ответ явно поставил мальчика в тупик, и он сменил пару скользящих кораблей в молчании.

– Как? – выпалил он наконец, уже без детской ноты в тоне. – Откуда ты тогда?

– Я пришла сверху. Точнее, приехала. На поезде.

– Но ведь я сверху. Там нету никаких на поезде.

– И не пытайся объяснить, – тихо сказала Фая. – Ему только хуже станет.

– Знаю, – подумала я в ее сторону.

– Забудь об этом, Сн. Это глупости. Мне нужно спешить. Было приятно познакомиться, пусть я и не могу представиться как следует. – Я встала и пошла, осторожно выбирая шаги.

Сн выглядел неважно и часто мерцал.

– Постой! Пожалуйста! Если вдруг вернешься сюда, можешь рассказать что там, внизу'ня? Ладно?

– Хорошо, – сказала я, улыбаясь мыслями. – Сладких снов, Сн! – Но он уже вышел за радиус своих способностей

и проснулся.

Наверное, я задумалась в пути, а когда очнулась, все вокруг изменилось. Охитинилось. Окружение не имело ничего общего с ульем наверху. Все стало бутыльно-зеленым и кристально отражало само себя, создавая бесконечные зеркальные коридоры. Когда в отражения попадали яркие отсветы алых, изящно сконструированных падающих фрегатов-лепестков, мурмурная нега сюрреально проскальзывала, и было в этом что-то шкатулочное. От фрегатов исходил звук трепещущих на ветру флагов, хотя самих флагов на мачтах видно не было.

Здесь было так спокойно... хотелось лечь и смотреть, как падают корабли. Один, другой, третий... убаюкивая вдаль... я тепло зевнула, прикрывая рот рукой. А почему бы и не отдохнуть?

– Не сейчас, – сказала Фая. – Когда лепестки перестанут падать, мы потеряем направление.

– Но я же увижу новый сон, – возразила я. – И путь будет видно снова.

– Не сейчас, – повторила Фая и отстранилась.

Во мне встрепенулось негодование. Ну конечно, ей лучше знать; а вот не послушаю ее, и что тогда? Я твердо решила так и сделать, но пройти хотя бы еще немного.

Между тем склон становился все круче. Кое-где попадались выбитые неведомым инструментом ступеньки, но чем глубже, тем реже, и наступил момент, когда я достигла от-

весного плато без признаков спуска, совсем как на станции.

Концентрироваться таянием или придумывать крылья сил уже не было. Внимание мыльно маятнилось от одного к другому, без моего контроля. В конце концов я села, обняла колени и закрыла глаза. На внутренней стороне век царапно-фотопленочно проявились грани: « <_ ^|_ | <~» Интересно...

«<<<<<|», – выгравировала я в ответ.

«>>», – возникло, и темнота экранов век отщепилась сбоку уголком страницы.

Я вспомнила. Такое случалось со мной прежде. Много оборотов назад, когда я проходила через деревню шерстяных клубков. Я тогда отстранилась всего на мгновение, привести мысли в порядок. И было так же, как сейчас: грани в темноте, и уголок закрытого зрения, чуть чернее, чем темнота. Только грани тогда проявились другие. Фая тогда назвала это «смена век» и объяснила как процесс, ведущий к чужому взгляду, на другой сцене. Отчего такое бывает, неясно. Просто случается. Находясь там, отпускаешь внимание от своего тела, и это опасно: никогда не знаешь, куда попадешь и через сколько оборотов вернешься; ведь в разных мечтах вращения идут по-разному.

Но тогда все было иначе. Деревня шерстяных клубков была населена шерстью, задумчивой и сплоченной формой жизни, которая не причиняла зла. Зло их не интересовало. Их вообще ничего не интересовало, кроме самих себя,

и единственное, что мне довелось от них услышать, было «ты не шерсть». В той реплике не было ни агрессии, ни обвинения, ни даже удивления – это звучало как сухой факт. И не поспоришь ведь. В общем, в той деревне было безопасно оставить тело.

В тот раз, когда я сменила веки, я посетила мир, где все заворачивалось в самое себя, и каждый миг уже почти что свернулось до конца: «Вот оно! Сейчас! Сейчас!» Но в самый последний закуток изподпереворачивалось и оказывалось, что есть еще масса вариантов перевывернуться и запереввернуться, и все начиналось по новой. Это продолжалось, головокружительно и бесконечно. Владелец глаз, с которым я тогда обменялась веками, был чрезвычайно увлечен происходящим. И не только увлечен, но и вовлечен буквально. С пружинистым энтузиазмом он швырял себя в самую глубь событий и вертелся, всасывался, разбивался на фрагменты, которые вращались в разные стороны, и собирался снова в другом месте, готовый ворваться в новый поток. Он обожал жизнь и был переполнен ей. Глазные нервы его шли прямо в эмоции, и я смогла разделить его восторг сполна, глядя сквозь его глаза. Когда все закончилось, я очнулась в том же месте, где оставила свое тело. Волосы мои были переплетены шерстяными нитями.

Теперь же окружение, где я находилась, не внушало такой уверенности. Зеленое стекло холодно поблескивало.

– Фая? Ты здесь? – позвала я. Нет ответа.

«Х->.~ <», – выгранила я ей записку в междупространстве.

Несмотря на опасность, во мне все еще горело желание послушаться Фаю и посмотреть, что из этого выйдет. Это было вроде проверки тоже. Если это она рисует все происходящее со мной, то точно что-нибудь придумает, окажись я в беде. А если не она, то откуда ей знать, что правильно, а что нет?

Слегка приоткрыв левый глаз и крепко зажмурив правый, чтобы не потерять из виду уголок закрытого зрения, я осмотрелась в поисках укромного места. Такового не оказалось. Голая бутылочность была покатою и открытой, за исключением редких выемок ступенек.

«Ничего не остается, – подумала я. – Придется рискнуть». Ощупав ногой ступеньку, я уперлась понадежней, легла на спину и закрыла глаза. Сквозь веки виднелись розоватые отсветы кораблей. Они плыли в пропасть этажами, будто я ехала на лифте вниз.

Я решительно потянула за уголок, и страница век перелистнулась. Был даже характерный бумажный звук, только более глубокий, с поддоном. В момент перемены меня кольнуло странное чувство, будто мои собственные веки – такая же страница, что перед этими веками у меня были другие, что они сменились уже много раз, но я не помнила тех смен. словно перед этим телом, я была в других, но не смогла или не захотела вернуться, и они лежат теперь где-то бро-

шенные и забытые, а может, и занятые, но уже не мной. И все эти страницы, одна за другой, составляют книгу. И все каждый раз начинается сначала. Это ли имел в виду Путник, когда сказал, что книга начал не имеет конца?

Темнота закрытого зрения пришла в движение, и постепенно стали проступать смутные очертания...

~амфитеатр~

Архитектура:

Перехваты-крепления-основания.

Готика.

Сложный многоарочный амфитеатр,

Уходящий ввысь.

Неба не видно.

Перипетии арок перекрывают друг друга,

Создавая путаную перспективу.

Эмоция – взволнованная, как перед выступлением. Это место чего-то ждет, и от меня многое зависит. Точнее, от обладательницы взгляда, за которым я оказалась.

Я увидела ее бледные ладони на хрупких запястьях. Они были усыпаны множеством ритмично подрагивающих пальцев. Увидела ее мысли, проносящиеся мимо: сумбурный, будто зашифрованный поток. Они были не на языках и не на гранях. Стук ее сердца – ритм – бился чуть ниже глаз клокотным механичным бумом.

Я чувствовала, как все в этом мире завязано незримой сетью. Движения ее пальцев были не случайны: они влияли на положения готичных арок вокруг. Она складывала сложную многомерную фреску, а эти арки, эти колизейные римские постройки были как бы тенями от составляющих эту

фреску стеклышек. Кроме того, каждое «стеклышко» было настроением и хотело выразиться, но некоторые построй-ки не сочетались друг с другом и их нужно было перестав-лять, поворачивать надлежащими боками, пока композиция не сложится идеально. Работа была эмоциональная и сосре-доточенная, но было похоже, что это лишь подготовка к че-му-то. Будто плелся батут, а прыжок еще предстоит. Что-то в этом такое было, что от одного предчувствия этого «прыж-ка» мне стало страшно и захотелось обратно. Но я не знала, как вернуться.

В какой-то момент взгляд отвлекся от шевелящихся паль-цев, скользнул вниз, и я увидела тело, в котором я оказалась. Прозрачное и бесформенное, оно заключало в себе боль-шое бьющееся сердце, из клапанов которого выходила квер-ху мягкая трубка. Трубка эта расширялась мегафонным ко-нусом и придерживалась в вертикальном положении косыми стежками позвоночника, крест-накрест. Взгляд вновь вер-нулся к колышущимся фалангам пальцев. Откуда произрас-тали эти руки, я не успела разглядеть. Должно быть, из серд-ца.

Я ощущала блуждающее почесывание в мегафонной труб-ке. Вскоре оно заострилось, и пальцы задвигались быстрее. Это ощущение порождало тревогу, оно стремилось вырвать-ся из трубки и расширяться, заполняя полость.

«Кашель, – подумала я. – Вот что это. А мягкая трубка – горло».

Но это был не просто кашель. Это была сжатая до предела, сконцентрированная музыка. Симфония, исполненная в один момент; так, что все ноты наслоились друг на друга, но не потеряли рисунка. Мне вообразились спрессованные вперемешку и запаянные в кокон скрипачи в белых рубашках, начищенных до блеска туфлях и с грустными, скрипачными лицами. Им предстояло исполнить свои партии рывком, в тесноте, сталкиваясь локтями и ломая подбородки. И как только раскроется просвет кокона – рвануть оттуда звуковым выстрелом и погибнуть. Вот на что это было похоже.

Я попыталась отдалиться, но сознание существа, с которым я обменялась веками, казалось абсолютным хаосом. Отстраняться было просто некуда; не за что зацепиться. Идея отпустить себя здесь казалась ужасающей. Слиться с чем-то, что никак невозможно понять, навсегда – чистый ад для разума, жаждущего форм и стремящегося облокотиться на ассоциации.

Моя собственная мысль раскоблилась заусеницами. Я как бы не подумала ее, а пронаблюдала сбоку, непричастно и очень странно. Затем еще одна. Буквы в словах моих мыслей потрескались и стали рассыпаться на полубуквы: подковы, углы и полукруги. Было все труднее угадывать в них привычные значения и понимать саму себя.

Кашель колючей массой уже переполнял чашу горла, когда пальцы существа замерли и вдохновенно расправились.

Подготовка была завершена: фреска сложилась идеально – арки-настроения радостно выражались, не мешая друг другу. Если бы у этого существа были легкие, оно бы, наверное, сейчас глубоко вздохнуло. Теперь начиналось самое главное. Массивное сердце замедлило бит, центруясь. Мир замер.

«Амая», – сказала я; будь что будет.

Все случилось молниеносно. Чудовищная энергия, клочка, вырвалась из сердца. Оно, обронив свой стук, отпало высушенным цветком и повисло на позвоночнике. Вспышка пронеслась по трубке, врезалась в колючий комок кашля, и тот расступился по стенкам, обволакивая пленкой. Раздался невероятный звук; ничего подобного я никогда не слышала.

Это был крик. Хрустальный, глубокий, искренний. В нем сочеталось все: сиреневая печаль и уверенная любовь; невыразимая тоска и абсолютное счастье; огненная ярость и эфемерная хрупкость. Мое сознание вырвалось из этого горла вместе с криком, а глаза лопнули где-то позади. Крик вообрал в себя расступившуюся симфонию кашля и взорвался невыносимой мощью, разбросав ошметки ненужного тела. Из эпицентра взрыва взмыла ледяная стрела чистой воли с моим взглядом на кончике. Она устремилась ввысь, сквозь выстроенные в туннель арки-эмоции, пока не достигла чистого синего неба – свободы.

И я была там, за взглядом,

На самом пике космической скорости.
И металась разбитые символы,
И слезы обжигали глаза,
И я вопила, вопила, вопила,
И электричество вопило вместе со мной,
А стрела все неслась и неслась:
Острая, безумная, вечная.

Что-то во мне накренилось и распоролось, выворачивая
наизнанку. Лютые чувства завертелись, и я засмеялась виз-
гом, сумасшедшая.

~пластилиновая река~

Мост наваждения раскрывался ракушечными створками. В прохладных красках неба парили снежные чайки.

Модель наваждения была треуголистая: бордюры нижних осадков формировали основание – диагональный рост сторон сходился к пику, на который, как на иглу, была нанизана рубиновая бусина дома. Чайки и небо отражались во внутренних стенках зеркальной пирамиды, в которой я оказалась.

Основание пирамиды пересекала натянутая до предела черная струна. Я зацепила ее пальцем и отпустила. Вибрации от струны, отталкиваясь эхом от зеркал, зарикошетили между стенками. Тут же запахло серой, а голубизна отраженного неба пошла лиловыми пятнами, будто кто-то тер ему, небу, кулаками глаза.

Все сдвинулось, и я увидела свои руки. Они действительно терли мне глаза, пытались вернуть к жизни. Они, не я. Я будто наблюдала за ними со стороны. Я словно свернулась калачиком в комнате своей головы и смотрела в окно на их приближения и отдаления.

Кроме рук, виднелся странный пейзаж, похожий на подземную пещеру, а я плыла в лодке по реке, и все вокруг было темно-зеленое. Это был другой мир, крайне настоящий. К тому же было неудобно. Кто-то уперто посылал одно

и то же сообщение в междупространство, и оно тиклило обзорение, вроде занозно заевшей пластинки. Невыносимо. Как одеяло, натянула я треуголистое наваждение обратно, отрицая этот мир, возвращаясь к пирамидальному сну.

А там было беспокойно. Лиловые небеса багровели, вибрации колыхались неистово – снежные чайки падали кнопками оземь и тут же восставали римскими легионерами в исключительно белой форме и с белыми же клинками. Те, быстро обсыхая от переходной гуаши, формировали военные построения, готовясь, видимо, атаковать дом, от которого веяло тревогой. Чувство его страшной незащищенности перед надвигающейся бедой, запах серы, а самое главное – что это все моя, моя вина и ничего теперь изменить нельзя, привело меня в отчаяние.

«Простите, простите; я не знала», – зашевелилась я внутри. С этими мыслями я шагнула вовне, прямо в консольный тамбур междупространства.

На месте привычной темноты междупространства пылал красный огонь. Я не сразу поняла, что красное – это послания, вырезанные на черном фоне. А точнее, послание. Одно и то же. Много, очень много раз. Порезы сообщений наслаивались друг на друга как почерк скоропишущего маньяка, кромсающего повесть на одной и той же строчке, поверх и поверх: снова, снова, снова. Маньяком, конечно, была Фая. – X <<[?]!!!, – вскричала я, и порезы перестали возникать. Елочными игрушками они растаяли, пока не остался только

один: « [Их>!~]»

«Проснись!»

Во мне будто что-то взметнулось наружу, и глаза открылись.

– Вернулась? Настройки есть? – спросил лодочник, стоящий напротив. Он напоминал елку, нарисованную художником-супрематистом: три треугольника – маленький, средний, большой, – стоящие друг на друге. На верхнем треугольнике пролегли борозды намеченного лица: два острых угла глаз и росчерк рта у основания. Лодочник стоял на самом краю лодки вполоборота и, судя по всему, мысленно управлял ее движением. Я же лежала на спине, на днище.

– Нет настроек? – спросил он риторическим тоном и вздохнул. Я приподнялась на руках и осмотрелась. Пространство вокруг походило на широко выщербленный подземный ход; реку, текущую внутри горы. Стены, природно неровные, перемеркивались яркими мушками. Сильно пахло пластилином. Все, включая лодку и лодочника, было темно-зеленого цвета. Только вода, дремучая синева, выделялась на пластилиновом фоне.

– О чем ты? – спросила я, обнаружив способность выражаться.

– Не знаешь? Ну и нету, значит, – обиженно кивнул лодочник. – А говорили, будут, – подныл он гнусаво. – Обратнo теперь не плыть, высажу на Влаз, значит.

Лодка, прорезая диагональ в потоке, уверенно двинулась

к стене.

– Скажи: огонь есть, – появилась Фая.

– Нету, – наивно подумала я в ее сторону, все еще плавая сознанием.

– Придумаешь. Не помнишь как? Нам не нужно на Влаз.

– Что такое Влаз? Где корабли? – память вворачивалась осьминожками, щупальце за щупальцем. – Корабли, красные, которые падали? Как я здесь оказалась? – пробормотала я.

– Влаз – это пластилиновая скала. Корабли уже далеко, это было много оборотов назад. Просто делай, что я говорю, не спорь, – сказала Фая.

Мы стремительно приближались к берегу. То, что издали искрилось мушками по стенам подземной реки, вблизи оказалось сотнями маленьких фигурок. Они походили на армию пиксельных солдатиков, абсолютно одинаковых: зеленых, лысых, длинноруких, мигающих изнутри, будто под кожей у них были сокрыты желтые лампочки. На ум пришло слово «лазы». Уперто цепляясь пальчиками, лазы взбирались наверх.

– Есть огонь! – выпалила я, опасаясь столкновения.

– Огонь? Живой? – заинтересованно откликнулся треугольный. Лодка остановилась на самой границе. – Который танцует?

– Да.

– А я знал, что ты прикидываешься, когда сказала, что нет

настройке. Зачем скрывать – не пойму. Я вот ничего не скрываю, все знаю наружу, – простодушно раздобрел он, возвращая лодку на курс.

Между тем я отметила еще одну деталь Влаза – лазы мерцали тем чаще, чем были выше, и не было ясно, где он заканчивался – куда они все так стремились. Никто из них, казалось, не достигал спокойного потолка, а толпы новопривыкших не иссякали. Должны же они были куда-то деваться?

«Возможно, там есть расщелина, которую отсюда не видно», – подумала я.

Лодочник шевельнулся, обращая на себя внимание. Из росчерка его рта многозначительно торчала самокрутка. Немногочисленные черты его выражали подчеркнутую пластилиновую грусть. Я осторожно встала. Идти по движущейся лодке оказалось легче, чем я думала. Отстранившись, я собрала кластер своего воспоминания и толкнула его в междупространство.

[/

Придумывать огонь легко, если знаешь принцип. Этому меня научил Рисовальщик, когда я, давным-давно, проходила через пелену отражений. Я помнила, как очарованно следила за его движениями, как под его руками окантованная немая плазма пускалась в пляс, теплея щеками.

– Суть в том, – сказал Рисовальщик тогда, не отрыва-

ьясь от процесса, – что нужно сформулировать в уме первое па, вариации второго, третьего и четвертого. Четвертое па – блуждающее. После того как па готовы, нужно щелкнуть резким жестом сознания и всечь в плазму эту начальную программу. Оттуда огонь уже будет фигурировать себя сам. Это работает так: после первого движения огонь должен сделать второе, потом третье, вернуться к первому, выбрать вариацию второго, другую вариацию третьего, и так далее. Именно возможность выбирать между вариантами делает огонь разумным, и чем больше у него возможных путей, тем сложнее его структура. Неизменным остается только исходное па, у которого нет вариаций. К нему огонь возвращается снова и снова.

– А как же блуждающее па?

– Блуждающее, четвертое, па необходимо, когда огонь устаёт от цикличности танца. Оно может включиться в танец между любыми звеньями цепи, и эта непредсказуемость, отступление от геометричности – срыв линий – моментально трансформирует огонь, делает его бесформенным, живым и опасным. Лишь совершая четвертое па, огонь способен обжечь. Видишь? Когда он вспыхивает ярче, вырываясь за пределы – это оно, четвертое па. Только в четвертом па огонь может погаснуть.

– Зачем же тогда оно нужно?

– Видишь ли, на самом деле это не программа заставляет огонь танцевать, не хореографический алгоритм, а воля.

Всекая в реальность комбинацию па, ты даришь огню часть своей воли к жизни, искру беспокойства, нестабильности...

Я помнила, как на этом месте голос Рисовальщика вспрыгнул, всперемариваясь – громче, звонче, ярче, а лицо его задрожало миражом.

– Это и есть то, ради чего я рисую. Творение – ничто без осколка, впаянного в сердце, что заставляет биться. Искра животворяща и смертоносна. Жизнь не выносит математики, понимаешь о чем я? Ты можешь написать десятки вариаций, но очень скоро цикличность станет очевидна, а следовательно, невыносима. – Он оборвался на пике и воодушевленно захмурил клочок проплывающей мимо плазмы. Его лицо сфокусировалось в алюминиевую ложку с темными пятнами глаз.

– А если его не включить в программу? Сделать три па и вдохнуть жизнь? – спросила я отраженным эхом.

Рисовальщик тогда гильотинно отпустил пальцы, обморачивая плазму на пол. Пятна глаз на ложке его лица потемнели еще сильнее, потекли тушью. Он нагнулся ко мне в упор:

– Огонь без четвертого па – это взрыв.

Л

– Взрыв... – эхом повторил лодочник последний фрейм моего кластера и пожал плечами. Это действие выглядело, будто средний треугольник въехал в верхний и тут же вер-

нулся.

– А что такое взрыв? – спросил он, внимательно глядя в меня.

– Это когда то, что было одним, делится на кусочки и бежит. Точнее летит, – сказала я и придумала ему огонь.

Мой алгоритм был прост: первое па, второе па, первое па, третье па, первое па, второе па, первое па, четвертое па.

Лодочник сощурился и прикурил от огня самокрутку. Она затлела, вылетая кубастый серый дым. Огонек, отыграв, искриво рассеялся. Треугольный восхищенно затянулся.

– Это очень... вещь. Поделишься – и доведу, куда захочешь, – сказал он двудонно, грозно, подразумевая, что если не поделюсь, то высадит на Влаз. Нужно было действовать. Я, скользнув, отстранилась умом, чтобы собрать ему кластер настроек, но обнаружила, что не знаю как. Неясно было, как впясть туда умение выдумывать.

– ->.xI, – вступила Фая, – [$> \sim$]. $x > _x >>$] $x >$] [x] $\sim _$ [x]
_ $_ >$ xI.

– Только не говори, как писать четвертое па, пока не доберемся, он мне не нравится, – добавила она на языках.

Я мысленно кивнула.

Действительно, лодочник не внушал доверия. Его просто-душие, казалось, имело гнилую сердцевину. Там, за пластилиновой геометрией, похоже, скрывалась сильная обида. Я [$> \sim$] $x >$, отпуская мысленную повозку. Лодочник принял кластер и замер, обрабатывая полученные данные. Остава-

лось лишь ждать.

Мимо скользил на ровной скорости однотонный пейзаж: Влаз с устремляющимися вверх фигурами. Шепот расстегиваемой лодкой воды перебивался клетками сотен впивающихся в пластилин пиксельных пальцев, создавая немую и чем-то птичью аудиокартину. Я стояла на коленях, подбородком на сгибе руки о бортик лодки, пока треугольник пропадал в трансе, а папироса его догорела и осыпалась. Едва слышно, на цыпочках сердца неладно царапало ногтем.

– Фай, мне странно, – прошептала я.

«...» – промолчала Фая.

– Скажи, отчего так странно? Как будто... (зашебуршило под ложечкой) ... что-то случилось, а я не помню. Важное что-то.

– Не думай об этом.

– Я не могу не думать, Фай. Мне правда, очень странно. И тревожно... – к горлу подбиралось холодными паучками. – Как мы оказались здесь? Там были насекомые, а потом искры и лепестки падали, а я бежала вниз и там... да... там был мальчик!

Я вскочила на ноги, пронзительно глядя перед собой, и отчаянно цеплялась за ускользающую память, за эту леску со множеством крючков.

– Он просил рассказать ему, что там, на дне. Если я вернусь. И падали корабли из лепестков. Ты помнишь? Мы шли вниз, и пол стеклянный, бутылочный...

Тут вспомнилось еще. Нечто, от чего лифт в груди резко ушел вниз, немея и блокируясь. Еще чуть-чуть, и вынырнет страшное, нужное – вот оно. Вот.

Но тут лодка резко вильнула, и мир пошатнулся. Я чуть было не выпала за борт, ухватившись за борт в последний момент. Зигзагом сбросилось из моего сознания это почти пойманное что-то.

– Что такое взрыв? – пробасил лодочник.

Нижний треугольник его тела повернулся вокруг своей оси, снова вильнув лодку. От нужного и страшного воспоминания не осталось и следа. Нить была безвозвратно упущена. Я подошла к лодочнику в упор, глядя ему прямо в глаза. Кипяток негодования клокотал внутри. Он встретил мой гнев свысока, не колеблясь. Я была на его борту.

– Взрыв – это когда все бежит прочь, – выковала я раскаленными ставнями мыслей. В голосе моем прорезалась чистая жестокость. – Когда все бежит прочь, от начала в стороны. Взрыв – это сияющая свобода. Которой у тебя НЕТ.

Лодочник отвел взгляд в сторону, ментально кренясь от моих слов, как осенне-хрустящее дерево под порывом холодного ветра.

Мне стало легче. Мечь остудила меня. Лодка продолжала двигаться, а лодочник все поглядывал краем глаза на мигающих солдат на Влазе, думая о чем-то трагичном. Сперва я ликовала. Однако, чем глубже мы продвигались в пещеру, тем больше я сожалела о сказанном. Оно того не стоило

все же. Я потеряла контроль и причинила необязательную боль.

Вдруг с его стороны раздался выдавленный звук, всхлип, и дамба его пластилинового терпения пала, прорываясь капризными переклетами.

– Я плаваю здесь... туда и обратно. Снова и снова... до берега и... и обратно... и снова назад... и вперед и назад... – его голос усиливался с каждым словом, взбираясь по лестнице громкости – ...А они лезут! Они не плывут! Посмотри на них! Они ВЗБИРАЮТСЯ!

Лодка зашлась мелким тремором. Обиженное лицо его ребеночно исказилось, готовое расплакаться. Я стояла на коленях, держась за борта, глядя на треугольники, вдыхая пластилин мира под шлепы лазов, карабкающихся по отвесной стене.

– ОНИ МЕРЦАЮТ! Почему я не мерцаю? Я тоже хочу! Хочу, хочу, хочу! – слезы вырвались из прорезей его глаз – густые зеленые слезы. Он закашлялся, захлебываясь горем. Я не знала, что сказать, а потом было уже поздно, неловко. Он молчал, а в легких моих было непросто. Зачем я поступила так с ним? За что? Я подошла и положила ладонь на его треугольную голову, каясь.

Лодочник утих. Вязкие слезы достигли основания головы и капали с углов. У него не было рук, а без рук невозможно утереть слезы с треугольного лица. Покачнув плечами (кап-кап-кап), он серьезно нахмурился, выравнивая курс. В углу

рта сформировалась новая папироса.

И вдруг я поняла. Увидела наперед. Сейчас он сфигурирует свой огонь, основываясь на моем кластере. Но мой кластер был неполный. В нем не хватало четвертого па.

– Нет, только не... – вскричала я, предупреждая, но...

Все случилось одновременно.

Фая взжалась иглами и столкнула меня с лодки.

Движение,

Крен,

Прыжок!

Вспышка – белая, горячая – слепит,

Разъедая кадр на сетчатке,

И сразу холодно,

Вода в уши – пломба,

С силой ударной волной в глубину,

Глаза открыты,

Все путано, холодно, давит на голову,

Вода в горло – внутрь —

– Холодно-Холодно-Холодно-

Поток реки пришиб меня к чему-то скользкому, стремящемуся вверх, я зацепилась за что-то, кого-то, и скоро – поверхность, кашель, выплевывать, вдыхая с болью и жаждой воздуха.

Мокрым хрустом оторвался лоскут платья, и я повалилась на пластилиновое плато Влаза.

~Влаз~

Из пучин вырвался силуэт, моргнул всем телом и рьяно рванул вперед, укусно наступив в шаг от меня. В уме все еще чехардилось от взрыва, меняясь. Я перевернулась на бок и выдумала наотмашь что-то приподнимающее. Получилось нечто вроде короткого шеста с платформой на конце – одноногое плато.

Выдвинувшись повыше, я увидела, как пиксельный лаз достиг отвесности стены и полез – уверенно и точно – вверх. За ним следом вышли еще два. Не обращая на меня внимания, они обогнули шест моей выдуманной платформы и продолжили свой путь. Я посмотрела на реку в поисках лодочника, но текущая гладь ничем не отличалась.

Несколько оборотов я лежала на платформе, прислонившись щекой, и дышала, опустошенно глядя на взбирающихся.

– Я думала, обойдется, но все же мы здесь; и теперь... – появилась Фая.

--_| – металлически оборвала я ее. --_>

--_|.

--~...

--_|.

– Я никуда не пойду. Пока ты не скажешь. Если ты знала о взрыве. А ты знала. Ты столкнула меня в воду. Это была

ты, я знаю. Если ты знала, что лодочник взорвется, то почему позволила этому случиться? Если ты знала это, то что ты еще знаешь? Как мы здесь оказались? Что это за место? Почему я ничего не помню? – острыми глайдами вонзала я слова, попеременно срываясь на хрусткий крик.

– Нам нельзя оставаться на Влазе, – умоляюще прошептала она.

– -_!.

– Пожалуйста.

– -_!. Ты мне все расскажешь.

И вдруг – тихо. Фая отдалилась. Я осталась одна. Все равно. Пусть будет так. Буду одна. Лучше одна, чем с ней. Зачем она передала мне огонь без четвертого па? Что за нелепый шаг? Да кто она вообще такая? В голове моей играли блики.

Вид карабкающихся по Влазу фигур осточертел. В глаза набилась грязная стужа отвращения, и я закрыла их, чтобы не видеть всего этого. Я ненавидела Фаю. И вместе с тем в соседней комнате моего сознания, в той, что обита бордовым бархатом, проснулось долготонное одиночество. И это чувство падения в груди, решительного отчаяния, вдруг распахнулось стегаными крыльями и хладно взвернулось. Да. Я одна. И это значит, что мне решать. Наивность – в грязь. Дальше я пойду сама.

Страшная улыбка промелькнула по моим губам. Взмахом рассеяв наваждение платформы, я упала вниз, прямо на одного из мерцающих. Он шебуршато засвербился подо мной,

как перевернутый жук, но бесполезно. Во мне дрожала сила. Зажав коленом пересечение суставов его руки, я навалилась всем телом и прокричала в упор:

– Куда ты? Что наверху? Отвечай!

Он извивался в безмолвных порывах. Вместо ладоней у него были клешнеподобные отростки. Цапки.

Я повторила вопрос гранями; безрезультатно. Пиксельные лазы обходили нас по сторонам потоками.

Все в нем молило отпустить, но я придавила свою жалость коленом к пластилину. Я решила быть жестокой.

– Я буду держать тебя, пока не ответишь, – просипела я в упор.

– Он не понимает языков, – маякнул спокойный голос откуда-то со стороны воды.

Прижатый мной лаз мигнул всем телом. Отсюда было видно, что монолитность его внутреннего лампочного света была лишь видимостью. Оказалось, что весь он состоял из блоков-кубиков, тетрисно прилаженных друг к другу, так плотно, что расстояния были едва заметны. У каждого блока внутри был свой огонек, но все они зажигались одновременно.

– Отпусти его, ему очень надо наверх, – попросил голос.

Я оглянулась на звук, не ослабляя хватки. Одинаковая армия продолжала шагать вокруг нас.

– Покажись! х <-!

Один из лазов поднял руку и шевельнул цапками. Внеш-

не он ничем не отличался от других, но в движениях его отсутствовала присущая остальным лазам угловатость. Его походка не рубила, а взмахивала, ловко покачивая шагами.

– Пусти его, пусть бежит. Это ничего не изменит, – сказал необычный лаз. – Он вернется обратно, и все начнется сначала.

Я встала с несчастного, и тот понесся рывкатым кубарем, спотыкаясь, пока не слился с толпой.

– Куда они все лезут? – спросила я.

– Вверх.

– Что там?

– Не знаю. Может быть, ничего.

– А почему ты не с ними?

– А я знаю секрет. Мне ни к чему.

Он сделал несколько шагов в мою сторону и остановился. Вздвигающиеся из реки лазы слепо врезались в него, ряды их путались, но тут же выравнивались напиранием потоком. Они не могли остановиться.

– -> ~, – сказала я, но он не отреагировал. Похоже, не знает граней.

Я выдумала на скорую руку деревянную стенку, что приватно отгородила нас от толпы непроницаемой диагональю.

Лаз был чуть ниже меня ростом. Мы стояли лицом к лицу, изучая друг друга, пока он не мигнул телом, в котором я различила все ту же тетрисную фрагментарность.

– Почему вы мигаете? Из чего вы сделаны? – спросила я

резким кнутовым тоном.

Он внимательно остаканился и выждал чинное мгновение. Затем, плавно жестикулируя, он заговорил, последовательно расставляя акценты.

– Мы состоим из кубиков. В каждом есть центр – ядро, тоже кубическое. Оно вроде плазма-мозга. Из мозга этого выходят нити, по которым пульсирует информация, – он иллюстративно прочертил дээнкашную спиральку цапкой. – Эти нити – прямой контакт ядра с границами куба.

«Вроде нервов», – подумала я.

– Когда пластилин атакует куб, ядро запускает защитный механизм и втягивает информацию внутрь.

– Пластилин атакует куб? Зачем?

– Так пластилин растет.

– Ядро втягивает информацию внутрь? Какую информацию?

– Информацию, которая живет в нитях куба. Я называю их «биты». Я имею в виду единицы этой информации. Хотя они отдельны друг от друга только условно.

Я кивнула:

– Продолжай.

– Итак, когда пластилин атакует, биты собираются в ядре, и оно запирается. Биты прячутся за прочными стенами ядра в надежде, что пластилин уйдет сам. Так как на этом этапе все без исключения биты находятся там, в нитях куба в этот момент никого нет. А когда в нитях никого нет, там начинает

нагнетаться пустотное давление.

Он замолк, видимо ожидая вопроса про пустотное давление, но я не спросила, я улавливала суть сказанного интуитивно, довербально.

– Пустота давит на стенки и заполняет нити до отказа, – продолжил он. – Когда пустоты слишком много, она вырывается наружу через специально отведенные отверстия и надувает внешние почки на присосках. Эти почки лопаются и раскрываются сложными цветами наружу куба.

Он вновь остановился, позволяя мне осмыслить сказанное. Я смотрела сквозь него, воображая структуру кубов. Все это выглядело очень логично, но конечная цель этого механизма оставалась туманной.

– В чем функция цветов? – спросила я, делая шаг вперед.

– Цветы становятся лабиринтами для вторженцев. Пластилин не может обойти лабиринт стороной, он должен проследовать по узору.

– Что значит должен? – Я наклонилась к его плечу, разглядывая, как если бы он был восковой фигурой. Ему, казалось, льстило мое внимание. Кубы, из которых он состоял, в погашенном состоянии были едва различимы. Если бы я не знала, что они там, ни за что не заметила бы.

– Должен – значит, должен. Пластилин не может обойти его. Закон мира, – ответил он с весомой интонацией. – Должен следовать по узору.

Я кивнула.

– Так или иначе, защита временна, – добавил он с неожиданным достоинством. – Пластилин поглощает в любом случае. Раньше или позже он всегда находит верный ход через лабиринт и добирается до нитей. А ядро, какой бы крепостью оно ни казалось битам, для пластилина не препятствие. Разламывается на раз-два.

В этот момент он вспыхнул, всего на мгновение, но этой вспышки было достаточно, чтобы озарить детали его внутреннего устройства, десятки кубиков с впаянными в центр чипами ядер и нервными ответвлениями нитей. Он улыбнулся и протянул цапку ко мне, касаясь нагого плеча, что просвечивало сквозь оторванный фрагмент платья. Цапка его была сухой, несмотря на то, что он только что вышел из воды.

– Целое тело, – подумал он открыто.

Я посмотрела исподлобья и стряхнула с себя цапку. Мое движение оскорбило его. Он развернулся рывком и вышел за деревянную стенку, смешиваясь с толпой лазов.

– Стой! – скомандовала я ему в спину, но он проигнорировал. – Я знаю огонь! – прокричала я волшебную фразу. Он остановился, глядя на меня через плечо.

– Правда? Живой огонь?

Я прохладно кивнула.

Широкими прыжками он вернулся обратно и вот уже вновь стоял напротив меня, заглядывая в глаза с энтузиазмом. Похоже, что огонь имел для него особое значение.

– Есть настройка? – спросил он.

– Есть. Но я не поделюсь, пока ты не поделишься.

– Что ты хочешь? – выпалил он с жаром, разом роняя образ чудаковатого мудреца, обращаясь в нетерпеливого ребенка.

Я вытянула паузу, наслаждаясь обретенной властью. Меня интересовало несколько вещей.

– Почему кубы мигают?

– Они привлекают пластилин, – немедленно ответил он.

Эта идея была нелепой, но в то же время необъяснимо логичной. Мне вспомнились мушки, часто мерцающие у потолка. Кубы сами зазывают пластилин внутрь. И в этом причина их иллюминации. Они зазывают свою гибель.

– А что наверху? Куда все лезут?

– Не знаю, – ответил он.

– Ты собирался куда-то идти? Но куда? Разве не наверх?

Он коротко посмотрел в сторону, замявшись.

– Нет. Мне не надо туда.

– А куда?

– Секрет.

– Это и есть тот секрет, о котором ты говорил?

Он промолчал.

Одними словами большего не добиться, пора было переходить к действию. Я вздохнула и сосредоточилась. Первое па – вращение вокруг оси, второе – выбрык в сторону и наверх, третье – скачок в противоположную сторону и вниз. Шевельнув ресницами, я добавила четвертое па, случайное.

То самое, которого не хватало в кластере Фаи. Лицо пиксельного солдата озарилось танцующим огоньком, отражаясь в его расширенных от восхищения глазах.

– Это огонь, – подчеркнула я. – Я поделюсь, но мне нужно знать ответ.

– Я не иду наверх, – сказал он без колебаний. – Мой секрет прост. – Он оглянулся по сторонам, но никто не обращал на него ни малейшего внимания. Лазам было все равно, они опаздывали на встречу со смертью.

– Немногие в курсе, как тут все на самом деле устроено. Некоторые знают, что пластилин убивает, а наверху ничего нет. Но немногие. Я встретил всего нескольких, кто знал. Наши разговоры никогда не затягивались надолго, им всегда нужно было идти. Они спешили так же, как и остальные, а я не останавливал их. Зачем? Пусть лезут, если хотят. Понимаешь, не достаточно знать теорию мира. Нужно применять знания на практике. В этом вся суть.

Он весь передернулся и мигнул как-то особенно затажно. Ядра кубов вспыхнули синхронными семечками в полигональной грозди его тела.

– Если не применяешь теории, то нет никакой разницы. Будешь взбираться, пока не сольешься с Влазом. Как и все остальные. И так постепенно все зарастет пластилином, пока не останется места. Если место может закончиться.

В этот момент мой огонек оттанцевал свою партию и рассеялся, хлопнув напоследок финальным четвертым па.

– Давай огонь, – резко сказал лаз.

– Ты не договорил, – парировала я.

Он проглотил мой длинный взгляд и неброско подбоченился, смиряясь.

– Вся суть в том, чтобы развалиться самому. Каждый в состоянии разбить свои кубы самостоятельно, без помощи пластилина, если знать как.

Эта самоубийственная доктрина привела меня в замешательство.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем разваливаться?

– Как? Чтобы уйти отсюда, конечно.

– Куда отсюда?

Он махнул в сторону реки.

Я повела головой, сдвинув с глаз непослушный локон. Мои волосы уже почти высохли.

– А что там? Выход?

Он проигнорировал мой вопрос.

– Огонь, – потребовал он, протягивая цапку вперед. Похоже, большего от него добиться было нельзя. Я выглянула в междупространство. Собирать новый кластер не было необходимости. Предыдущий, копия того что я отправляла лодочнику, все еще висел там, лаконично выцарапанный гранями:

I_~_I

Мне нужно было только отогнуть уголок кластера и впи-

сать недостающее четвертое па. Закончить алгоритм огня; сделать его безопасным.

Лаз весь обратился во внимание, антенно растопырив цапки: зеленый богомол, готовый принять пакет данных. Однако я не спешила передавать ему знание. Кластер повис на рельсах моего ума, готовый сорваться по малейшему движению воли.

«Как только я отдам ему огонь, он исчезнет», – думала я. Он исчезнет, а я останусь здесь. Будь Фая со мной, она бы сказала, как поступить. Но ее нет. И не нужна она мне. Я слишком много на нее полагалась. Все по-другому теперь.

С этими мыслями я отпустила кластер в голодный разум лаза. Он благодарно сощурился и замер в трансе, совсем как лодочник. Несмотря на то, что форма их тел различалась, что-то неуловимое в чертах и мелких жестах объединяла их. Разные ягоды, но с одного поля.

Лодочник. Это была моя вина все же. Это я отпустила кластер тогда, не Фая. Нет смысла доверять никому. «Никому!» – подумала я громко, надеясь, что она услышит.

Между тем, кубы, из которых состоял лаз, нагнетали яркость. На фоне гирляндных вспышек его безликих собратьев его кубы сияли туманной, медовой красотой. Лаз улыбнулся умом.

– Как отсюда выйти? – спросила я. – В чем секрет?

– Огонь, – сказал он.

Достигнув абсолютной яркости, кубики его задрожали

и начали отпадать с плеч, с груди, с цапок. Касаясь пластилиновой поверхности Влаза, они вспыхивали огнем.

– Что это значит? – спросила я встревоженно.

Но ответить было уже некому. Передо мной пылала нестройная груда блоков. Я сконфуженно глядела в иссякающий огонь. И вдруг все сошлось. Я поняла.

Фая не ошиблась в расчетах, она действительно все знала наперед. Она специально дала лодочнику незавершенный огонь. Она знала, что тот взорвется. Она хотела взорвать его. Хотела. Потому что из Влаза был лишь один выход. Из него можно было только сгореть.

Оводом взгляда я рассеяла иллюзию деревянной стены, отделяющей меня от потока пиксельной армии. Лазы тут же хлынули напрямик, ударяясь об меня плечами. Во мне пульсировало знание. Ключ наружу. И я могла подарить его им. У меня была сила, возможность освободить их всех. Всех лазов. Сжечь их дотла. Это было бы нетрудно, ведь площадь огня не имеет значения при его создании. Достаточно лишь расфиксировать паузы между па, и пламени придется распластаться, чтобы поймать себя за хвост. Я без труда могла бы выдумать огонь, целиком покрывающий Влаз.

Но мне вспомнилась черная, вибрирующая эхом струна и злые, лиловые небеса над бусиной дома в треугольном наваждении. Что я знала об этом мире? Кто я такая, чтобы решать за них? Лишать их того что, у них есть? Что, если Влаз для них – райский сад? Откуда мне знать? Мне стало тесно.

Быстро,
Руками ума,
Хрупкими, как ресницы,
Я сковала огонь:
Чистый,
Бездымный,
Глубокий, как дверь.
«Сейчас», —
Подумала я
И сделала шаг.

~нарисованный старик~

Ощущение палящей жары пропитало меня. Языки прожекторов в густом тумане плавно двигались из стороны в сторону. Я шла сквозь туман, выставив руки перед собой, готовая встретить неожиданное препятствие. Периодически я посылала в междупространство маяковую грань $x <$, обозначая свое присутствие, но несколько оборотов спустя перестала. Зачем? К кому я обращаюсь? Другие мне отныне ни к чему.

Но одиночество, хоть и освобождало, все же было одиночеством. В тишине эфира я думала о разных вещах, загнипнотизированная далекими прожекторами. Мои мысли пространно ассоциировались с движениями этого сонного света. Мне вспомнились жители улья и их наспинные капсулы для искр. Как они не заметили меня, хотя я была так близко, совершенно чужеродная? Почему? Наверное, они были слишком заняты, ведь Обнадежда приближалась. Интересно, каково это – жить от Обнадежды до Обнадежды, накапливая силу тяжелым трудом, чтобы потом выстрелить ей в экстазе? А лазы? Что чувствовали они, взбираясь по стене? Казалось ли им, что успех близок? Что вот-вот? Что осталось еще одно движение, небольшой рывок, и все? Как глупо! Глупо! Я покачала головой, снисходительно улыбаясь их простоте.

«Им далеко до меня, разве нет? До моих возможностей,

до моего воображения. Ведь я могу сотворить все что угодно, что пожелаю, мгновенно. Я могу ходить сквозь стены если захочу, – думала я громко, решительно шагая вперед, вдохновляясь, пока откуда-то из глубин не пришел вопрос: Да, но только вот зачем все это?»

Я остановилась. Внезапное осознание переломило грудь. И правда. Зачем я все это делаю? В чем заключается моя цель?

– Куда я иду?? – прокричала я в уме.

Мир вокруг молча клубился в ответ.

Я двинулась вновь, но уже тише, понутив голову. Грусть окутала меня. Пусть все они и были ограниченнее, чем я, пусть они и не умели ходить сквозь стены, их жизнь все же имела смысл. Хотелось поговорить с Фаей, но ее не было.

«Она, может быть, вообще никогда не вернется», – подумала я.

Погруженная в тяжелые мысли, я не сразу заметила, что туман начал рассеиваться. Глаза мои стали различать идущие понизу контуры – мои ноги. Я подняла голову. Проектора светили теперь тускло-тускло, их уже почти не было видно, похоже, они были частью тумана. Впереди проступали контуры стен. Я будто выходила из облака. За любопытством тут же забылась грусть.

Вскоре я уже шла по улицам города. Дома были сложены из глиняных кирпичей и покрыты арабской вязью трещин. Все двери были открыты нараспашку. Я заглянула в несколь-

ко, но всюду было пусто. Было похоже, что это место необитаемо. Я добралась до площади с сухим фонтаном посередине и присела на краешек.

Небо сочилось закатом: четверть рыжего солнца выглядывало из-за горизонта. Было жарко, но со сбитой спесью, как бывает вечером. Мне стало любопытно, зайдет солнце или нет. Я смотрела на него, пока не заболели глаза, но оно не двигалось. Я шаркнула ногой, вздымая пыльный песок. Может быть, жители прячутся? Может, они знают, что я здесь, и боятся? Боятся меня?

«Х <:~», – открыто подумала я и прислушалась.

Все здесь проницал шепушачий звук, словно кто-то водил мокрой ладонью по стене, но он был достаточно фоновый и постоянный, чтобы принять его за форму тишины. Никто не откликнулся на мои грани. Припекало.

«Что ж, – решила я, выдумывая себе пустынный капюшон с прорезями для глаз. – Вперед. Больше некуда». Я пересекла площадь и двинулась в сторону заката.

Вскоре я набрела на необычное высокое здание с треугольной крышей. Над входом висела табличка на сложном заковыристом языке. Двери не было. Я заглянула внутрь. Длинный коридор, проходящий стойлом. Внутри здания было прохладней, чем снаружи, и слегка пахло перьями.

Дойдя до середины коридора, я обернулась. Дверной проем, через который я вошла, полыхал горячим прямоугольником. Я повернулась обратно и посмотрела вглубь. Полу-

мрак коридора заворачивал за угол, из которого слегка светилось. Не спеша я двинулась вперед, пошаркивая глубным эхом шагов.

За углом был тупик. Свет проникал туда через трещину под потолком и освещал глухую стену. На стене все теми же арабскими морщинами был выгравирован пещерный рисунок: ухмыляющийся бородатый старик. Один глаз его был лукаво прикрыт, второй глядел прямо на меня. Несмотря на простоту портрета, он выглядел очень живо. Я приложила ладонь к бороде старика, чувствуя выступающий материал. Голос, хоть и спокойный, раздался так внезапно, что я невольно отпрыгнула назад.

– Давно тебя не было, – сказал он.

– х <? – спросила я, выглядывая в коридор.

– Ix <.

Это было странно. Вокруг – никого.

– Ix <x <!

– х <: ? – уточнила я свой вопрос, выходя из тупика, глядя по сторонам.

– I:x <, – сказал он и добавил на языках: – Я здесь, на стене.

Стена тоже. Если изволишь.

Я вернулась к рисунку. Старик продолжал ухмыляться.

– Это ты нарисован?

Голос утвердительно засмеялся.

– Давно тебя не было, да, – повторил он.

– Меня вообще не было здесь, – ответила я нарисованно-

му старику.

– Здесь ты права. Тебя не было и не будет, – уверенно произнес он.

– Но разве это не грустно? – спросила я.

– Это не грустно. Это удобно. И странно, конечно, тоже, – ответил он.

Я задумалась над его словами. В них определенно был сокрыт некий двудонный смысл.

– Я видел тебя в тумане, – сказал он. – Но на тебе тогда не было капюшона. Ты его выдумала?

– Да, – ответила я и рассеяла капюшон.

– Это интересно. А имя у тебя есть?

– Нет.

Картинка изменилась. Оба глаза теперь смотрели на меня, добродушно прищурившись.

– Прости, – сказал он, – я задаю слишком много вопросов.

Ты, наверное, тоже хочешь что-то спросить?

– Есть здесь кто-нибудь еще?

– > ~~ , – ответил он.

– > ?

Он умственно пожал плечами.

– Не знаю. Я не обратил внимания. Может быть, на выход.

Дальше.

– А где выход?

– Зависит от того, где твое «дальше». Отсюда много выходов.

Я прислонилась спиной к стене и сползла по ней. Положив подбородок на руки, я села в углу, обняв колени. Колкая грусть вернулась в душу. Я понятия не имела, где мое «дальше».

Мой взгляд упал на предмет, лежащий на полу. Он был похож на круглую глиняную тарелку древнего вида.

– Ты когда-нибудь задумывалась о том, что такое обороты? – спросил старик. Это был один из тех простых вопросов, на которые нелегко ответить.

– Это когда за одним событием следует другое. Происходит оборот.

– Можно и так сказать, – усмехнулся он. – А когда оборот заканчивается, что с ним происходит?

Мне показалось, что тарелка шевельнулась.

– Он возвращается. Оборачивается, – сказала я, не отрывая глаз от тарелки.

– Хорошо. А между одним оборотом и другим, следующим например, есть разница?

Этот вопрос был лишен всякого смысла.

– Нет. Наверное. Это может быть тот же самый оборот даже. Не знаю. Он, может, возвращается, а то, что следующий наступает, это только видимость.

Я никогда не думала об этом прежде. Мой ответ, однако, произвел впечатление на старика.

– Ты молодец, девочка, – сказал он. – А теперь скажи мне. Если это тот же самый оборот, можно ли им управлять?

Можно его оборачивать, как тебе захочется?

– Должно быть. Если материя поддается искажениям, то обороты, вполне возможно, тоже.

Странно, что это не приходило мне в голову раньше.

– Смотри, – сказал он, и тарелка медленно закрутилась. Стены и пол вокруг поплыли, искажаясь, завихряясь, меняясь.

– Обороты Ускорялись-

Я замерла, ошеломленно созерцая. Руки мои зачесались, я поднесла их к глазам и увидела, как капилляры паутинились, перестраиваясь, возводились и опадали молекулярные мосты. Все пришло в движение. Лишь один фрагмент реальности оставался статичным: бородатое ухмыляющееся изображение.

– А почему ты не меняешься? – спросила я, осознав вдруг, что так и не спросила его имени.

– Потому что я – тот, кто вращает. Так всегда бывает, – ответил он. Его голос свиристел нитью среди происходящего хаоса.

– Это очень просто – вращать обороты. Нужно только правильно все придумать. Но даже если бы я и хотел рассказать тебе палитру и правила, то не смог бы. Это знание не передается. Ни кластером, вообще никак. Да и ни к чему тебе это. Великая жертва сопутствует такому знанию. Однажды поняв скрытую простоту, уже невозможно насладиться течением сложности, этим загадочным фильмом вокруг. Если

ты знаешь, как обратить падение лепестков вспять, если видишь отчетливо, что ничто никуда на самом деле не падает, а только так кажется – уже не отдаться этому зрелищу на всю. Неведение зачастую блаженно, если правильно с ним обращаться.

Последняя фраза прозвучала совсем печально. Тарелка замедлилась и остановилась, возвращая мир в мерное русло.

– Поэтому ты здесь? Потому что знаешь?

– Я рисунок на стене в покинутом городе. Те, кому есть куда идти, ушли.

– Значит, тебе некуда идти, потому что ты знаешь, что...

– Что нету никакого «куда». Оборот-то один и тот же. Видишь ли, так получается, что, как только познаешь истинную природу движения, твой мир обращается в статику.

Я взяла тарелку в руки, на ощупь, как песок.

– > x~I? – спросила я.

– I <:x:> I, – ответил он

– Но всегда можно выдумать себя наружу, разве нет?

– Наружу... – усмехнулся он. – Я был там. Снаружи. Видел, как растут горы, как испаряются океаны, гнутся русла рек, обходя незримые магнитные столбы. Там, за выходом, я видел все.

– И Минарели?

Он промолчал.

– Там бескрайние лунные поля, и горы, как фольга.. А отражения? Где тебя столько, что забываешь, с чего началось.

А ватный остров? Требуньеры? Улей? Неужели все это видел?

Старик долго не отвечал. Я легла на пол, на бок и вскоре вроде как забыла о нем, долго моргая и глядя сквозь прохладную пыль. Идти наружу, под солнце, не хотелось.

– Расскажи мне об этих местах, – шевельнулся вдруг терракотовым интересом мысленный голос старика.

Я повернулась на живот, поставила тарелку на ребро и катала ее пальцем по полу, как большую монету.

– Там по-другому. Каждый раз все совсем иначе. Ты же был снаружи. Ты знаешь.

– Да. Давно это было. Много оборотов назад. Еще до того как я постиг движение. Так же, как и ты, выдумывал себя куда ни попадя, преследуя свою мечту.

– Мечту?

– Да. Я всегда хотел научиться управлять оборотами так же легко, как и пространством. В итоге это меня и погубило. Будь осторожна с мечтами. Они сбываются. У тебя же есть мечта? Цель? Причина? То, что заставляет тебя идти?

Я села, подогнув ноги под себя, и приложила палец к губам. – Да. Меня направляют туда сны. Я вижу направления. По ним и следую.

Я попыталась вспомнить последний направляющий сон и с холодком осознала, что это было еще до пластилиновой реки. До улья. В поезде. В последний раз я видела сон в по-

езде. Там были опадающие лепестки улья. После этого я шла вслепую. По инерции. Сомнения осами пробудились под ложечкой. А что, если я не там, где должна быть? Что, если я сбилась с пути? Я отсутствующе закусила костяшку указательного пальца.

– Тебя ведут сны? Очень интересно. А откуда берутся эти сны?

– Не знаю. Являются. А потом я иду. Просто иду. А когда возникают препятствия, выдумываю обхождения, но путь всегда разворачивается передо мной. Сам по себе.

«А еще у меня есть Фая», – подумала я закрыто и вздохнула. Только нет ее больше.

– То есть каждый последующий оборот приносит новые поверхности, так? – спросил старик.

– Да, можно и так сказать. Местность постоянно меняется. И законы поведения на ней тоже.

– И в чем же твоя конечная цель? Пункт назначения?

Осы сомнений вспорхнули и, жужжа, опрокинулись ледяными струями за шиворот. У меня задрожала губа. Я почувствовала себя маленькой и беззащитной.

– Я не помню, – сказала я, чуть не плача. – Не помню. Я забыла как-то.

– Забыла... – повторил он с тронутой волновой рябью.

Я острунилась, шумно втянула воздух, и вспрыгнула на ноги, держа тарелку в руке. Слеза скатилась по щеке, но я утерла ее тыльной стороной ладони. Слабость была непозво-

лительна. Теперь, когда я сама по себе.

– А почему ты не поставишь себе новую цель? – спросила я, уводя разговор в сторону. – Если эта достигнута? Разве нельзя начать все сначала?

Старик вздохнул.

– Я объясню, а ты попытайся понять. Воображение открывает пути. Описания первого разума, языков, воплощаются через вектора второго, граней. Ты можешь говорить на гранях, значит, твой второй разум раскрыт и ты знаешь, что количество миров на векторной плоскости второго разума, в принципе, бесконечно, но воспринять ты можешь лишь несколько. Только те, что можешь вообразить. И в этом сила первого разума. Воображение.

Я кивнула. Это было довольно исчерпывающее описание механики бытия.

– Тропа, которой ты следуешь сквозь собственное воображение, и миры, в которых ты оказываешься, определяются конечной точкой пути. Эта точка всегда находится где-то в пространстве, кроме одного случая.

– Когда она находится в оборотах? – спросила я. Это была потрясающая идея.

– Точнее, в Обороте, – поправил он.

– Но что происходит, когда ты достигаешь этой точки?

– Твое бытие трансформируется. Ты принимаешь определенную ментальную форму, из которой назад пути уже нет. Ты застываешь. Но и это не все. Вместе со свободой фор-

мы ты теряешь способность... или, точнее, желание, ведь это одно и то же, перемещаться сквозь пространство самостоятельно и занимаешь позицию вне, двигая вместо себя все остальное. Вращая, если позволишь.

– Значит ли это, что обороты, или Оборот, из-за которого происходят изменения, обладает сознанием?

– Разумеется. Сознаниями даже. Конечно, не я один в ответе за все изменения во всех местах, это была бы слишком тяжелая ноша. Только за те, что вокруг меня. Здесь. Ничто в мире не механично, знаешь ли. Если тебе кажется, что что-то работает «само по себе», то это от того, что ты недостаточно знаешь. Все обладает сознанием. Просто очень разным.

Это было справедливое замечание. Я поднесла тарелку к глазам. Она походила на глиняное солнце.

– А как велика твоя зона? Когда ты вращал обороты в этой комнате, двигался ли мир снаружи?

– Может быть, – сказал он туманно. – А может, и нет.

Я подождала еще немного, но старик молчал. Тогда я решила проверить сама. Сжимая тарелку в руках, я вышла на улицу. Пылающий фрагмент светила все так же висел в позе заката. Я протянула руки к небу и заслонила солнце тарелкой. Оранжевый свет обрамлял края. Я медленно проругнула ее направо, но это ничуть не повлияло. «Должно быть, солнце совершило круг и вернулось обратно в начало», – решила я. Совершило цикл. Удовлетворенная этим объяснением, я возвратилась в прохладный тупик.

– Солнце вращает. Оно не меняется, – сказал старик. – Звезды неподвижны. Они оборачивают планеты, как тарелка – комнату, и все меняется. Кроме них. В этом и заключается их идея.

– Но этот город остановился. Почему?

– Здешней звезде наскучило вращать. Она устала, – мысленно вздохнул старик. – Или он... – добавил он едва слышно.

Я положила тарелку на пол и подошла к изображению на стене.

– Это ты, да? Ты звезда?

Он мысленно кивнул.

Я смотрела на линии, составляющие его лицо, эти вены древних стен, вблизи как пересохшие русла рек. Его мечта обратилась в капкан. Он был скован опасным знанием и был обречен навечно оборачивать события без возможности вернуться в их ход, стать их частью. На фоне глубины его трагедии мои печали казались миниатюрными.

– То есть ты на самом деле там, в небе? А эта картинка? Что это?

– Наоборот. Картинка – это я. А в небе – пылающий шар. Он обозначает, что я здесь. Его легко вращать. К тому же он светит и обогревает. Это очень удобный аксессуар. Многие звезды используют такие шары. А физическую форму каждый из нас выбирает себе сам, по настроению. Физическое – оно не ментальное. Оно всегда проще. Одни звезды пред-

почитают цвести фазой в расступающихся неглетах аутиков, другие состоят из воды, из волокон, из чистого цвета. Я вот – изображение на стене. Форма не важна, важна функция.

– А что испытывает этот шар, когда его вращают? На что это похоже?

– Я не знаю. Меня никто не вращал прежде. Среди звезд это дурной тон. Ты хочешь попробовать?

– Я?

– Конечно. Я могу проверить тебя несколько раз, а ты расскажешь, каково это. Мне интересно. На самом деле. Я давно уже не испытывал любопытства. Очень давно. Ну, так что скажешь?

– Да, – сказала я твердо. – «Во мне нет места для сомнений, – подумала я закрыто. – Я готова встретить все что угодно».

– Хорошо. Я начинаю, – сказал он. – Я сначала оберну тебя назад, а потом вперед, чтобы ты ощутила оба состояния. Готова?

– Да, – повторила я и сжала кулаки.

Волосы мои шевельнулись и легли набок, как от порыва ветра. Осторожная, но неизмеримо мощная сила провернула мое тело вокруг оси, будто толкая меня изнутри. Еще раз. Еще, ускоряясь. Комната вертелась все быстрее и быстрее и вдруг что-то щелкнуло, достигнув уровня, как механическая передача, и я оказалась в другом месте. Там обороты замедлились на мгновение, достаточное, чтобы распо-

знать местность: на входе в город, в тумане с прожекторами, – и ускорились снова, унося меня все дальше в прошлое. Я прошла сквозь огонь, и запахло пластилином. Теперь я была на Влазе.

Я проживала события в обратную сторону, но не с полной отдачей, а отстраненно, хоть и с проницательной ясностью. Я видела себя со стороны: как я говорила с лазом и тут же, на лодке, как лодочник ноет и готов взорваться. Еще чуть дальше. Катушка оборотов разматывалась, и я подходила к началу, туда, где я проснулась посреди реки и не могла вспомнить, что было перед этим.

И тут раздался голос. Это была Фая.

– Сейчас будет больно.

Я выставила руки перед собой, защищаясь от бешено вращающегося мира, но нечто извне выбило меня из череды оборотов. Это было похоже на космический выстрел в неведомость. Все замедлилось, плавно парило, и было не-здесь, будто в пузырях, а я, вне этих пузырей, смотрела через плену на мерцающие огоньки лазов вдаль, и другие сцены из прошлого, как разные эпизоды одного и того же шоу, все одновременно и безучастно. Я будто провалилась между вагонов существования, и этому сопутствовало болезненное чувство простуды и вывернутого предплечья. Смотреть было непросто, прижимало давлением, словно моему сознанию уши сдавило руками.

– Послушай, – сказала Фая, – я знаю, это непросто понять,

но попробуй, пожалуйста, потому что все, что я скажу – это правда.

Ее слова возникали в необычной манере, как бы написанные заранее, и от этого тошнило. Я хотела вернуться в обороты, но у моего мыслительного процесса был сбит прицел, и языки не поддавались контролю. Грани тоже. Все, что я могла, – воспринимать слова Фаи, которые ложились на меня как гриппозное одеяло посреди железнодорожных путей.

– Перед тем, как ты проснулась в лодке, что-то произошло. Что-то очень важное. Ты не помнишь этого. Твоя память обрывается там, где ты остановилась отдохнуть, у стеклянного дна улья. Я не хотела тебе говорить. Честно, не хотела. Но так будет лучше, чем ты увидишь сама. Я расскажу тебе. Я не хочу, чтобы ты переживала это снова. Это невыносимо. Зачем ты сделала это? Зачем? Я же говорила тебе, что менять веки опасно. Разве нет? А ты все равно поменяла. Ну почему? Ты поменяла веки и оказалась в чужеродном пространстве. Существо за взглядом которого ты оказалась, гармонизировало арки-мозаики, выстраивало их в определенном порядке, чтобы их настроения совпадали до того, как внутри созреет вопль. Если арки не выстроены в срок, то существо должно было безмолвно умереть, опасность оземь, как цветок, разорванный кашлем. Если бы только это произошло, ты вернулась бы обратно, но существо успело собрать мозаику, и его вопль вырвался наружу стрелой. И что-то случилось. Ты, твое сознание, вместо того чтобы остаться в те-

ле существа, оседлало этот вопль. Ты оказалась за взглядом у вопля, рвущегося в небо. И это убило тебя. Ты сошла с ума.

Голос Фаи затрясся эмоциональными вскаверками. Мне еще сильнее сдавило голову.

– Когда я вернулась, ты лежала там, мертвая, на бутылочных ступеньках, с разбитым сознанием. И я не могла в это поверить. Стоило мне только отойти – и что ты наделала? Что ты наделала?! Осколки твоего сознания таяли на глазах, я теряла тебя. И тут появился он. Высокий, в плаще. Сказал, что его зовут Коллекционер и что он может помочь. Сказал, что знает, как продолжить твою жизнь, но предупредил, что ничего не будет как прежде. Что раз уж что-то разбито, то целостности не вернуть. Что твое «я» будет теперь раскидано. Мне ничего не оставалось. Я согласилась. Я была согласна на все, только бы сохранить тебя. И он разобрал тебя на фрагменты. Каждый фрагмент он поместил в отдельный мир, в отдельное тело. И каждая из них, каждая из тебя, живет теперь свою отдельную жизнь и не знает о существовании других. Единственное, чего Коллекционер не смог разделить, это способность видеть направляющие сны. Только один из этих фрагментов, лишь одна из тебя сохранила эту способность.

Я плакала, зажмурившись, и слезы вздымались горячими струями вверх. Что-то тянуло меня обратно, в события. Старик-звезда начал вращать меня в обратную сторону. Я пыталась ответить Фае, но в горле тошнило теплыми комьями

пустоты. Она отпустила меня лететь, не дожидаясь моей реакции, и меня вновь втянуло в водоворот оборотов.

Через пару головокружительных мгновений я повалилась на пол в прохладном тупике, в городе с уставшей звездой. Сжавшись в эмбрион, лицом в колени, я закашлялась горькой. Я была мертва. Меня больше не было. Я теперь – всего лишь жалкая тень. Тень, которой некуда идти.

—

Слезы иссякли, и я лежала в пыли, пустая, как кукла. Много оборотов прошло бы, если бы здесь оборачивалось, но в этом мире-картинке по-прежнему царил штиль.

– х <~? – выгравировал старик, нарушая бездную тишину вечность спустя.

– х, – ответила я, ничего не имея этим в виду.

– Что ты чувствуешь? – спросил он.

– Ничего, – сказала я.

– Что-то случилось. В один момент я упустил тебя из виду. Где ты была?

Я проигнорировала вопрос. Теперь, когда эмоции иссякли, я могла трезво обдумать свое положение. Все началось с того, что я обменяла веки с созданием, что управляло арками в амфитеатре. Что-то пошло не так, и мне не удалось вернуться в свое тело. Фая нашла меня лежащей на ступеньках. Мертвой. Явился некто Коллекционер и пообещал вос-

кресить меня, но при условии, что он разобьет мою сущность на фрагменты и раскидает по мирам. По девочкам в разных реальностях. Лишь одна из них продолжит видеть направляющие сны. Мне нужно найти ту себя, что видит эти сны, и спросить, куда двигаться дальше. Только как? Где ее искать? Иглу сознания среди стога бесконечных миров.

Я выдумала влажный платок и села, облокотившись на стену. Вытерла лицо и подобралась.

– Ты была в прошедшем? – спросил старик, который все еще ждал ответа на свой вопрос.

– Да, – сказала я. – Да, я была там, где была до этого. Снова.

– И там все повторяется в точности, как в прошлый раз?

– Абсолютно.

– Интересно. А почему ты плакала? И где ты была?

– Я встретилась с подругой.

– И что случилось? Она умерла?

– Нет. Это я. Я умерла.

Я структурировалась внутри, по-новому, взросло. Теперь все иначе. Теперь мне совершенно нечего терять.

– Умерла? От чего?

– От глупости. Послушай, ты сказал, что можешь обращаться в обе стороны?

– Да.

– Это значит, что если я провернусь вперед, то увижу то, что произойдет после?

– Да. Должна увидеть. Оборот-то один и тот же. Будущее, прошедшее – это просто направление взгляда. Суть не меняется.

Я оправила платье.

– А ты не мог бы обернуть меня и не возвращать? Оставить меня там, в будущем?

Старик усмехнулся.

– Это смотря, что ты считаешь собой. Когда я оборачивал тебя назад, тело вращалось здесь, в этой комнате. В прошлом было только твое сознание, и им ты воспринимала происходящее там. Если же я оберну тебя вперед, то в будущем у тебя еще не будет тела. Оно останется со мной. Твое сознание может создать новое, фантомное тело, и следовать ему по привычке, чтобы было с чем ассоциироваться. А может, и нет. Это уже зависит от сознания. В любом случае твоего родного тела при тебе уже не будет.

Я улыбнулась.

– Это не имеет значения. Я не боюсь.

Рисунок на стене зримо кивнул.

– Есть еще один нюанс, – сказал он.

Я наклонила голову набок.

– $x < ?$

– Будущее – это не прямая дорога. Оно не предопределено. Так же не предопределено и прошлое, но оно привязано к воспоминаниям, и сознание воссоздает его соответствующе. Однако чем дальше ты уходишь в прошлое, чем меньше

ше ты помнишь из прошлого, тем больше у тебя возможностей все там изменить. Будущее же особенно туманно. О нем еще нет воспоминаний, а значит, оно может быть чем угодно. При регулярном течении оборотов сознание выбирает происходящее согласно настроению и ожиданиям, которые имеет насчет грядущего. По идее, на большой скорости у сознания не будет возможности сформулировать четкое будущее, и оно будет быстро развивать линию пути согласно мгновенным колебаниям мысли. Оно даже будет вынуждено формировать будущее из тех мыслей, которые ты еще не думала, но, может быть, подумаешь, набирая их случайным образом из вероятностей. В итоге ты окажешься в крайне непредсказуемом будущем. Возможно, не самом приятном. Хотя не исключено и обратное. Это как прыжок в черную яму в надежде, что тебя ждет мягкое дно. А ведь там могут быть и колья.

Я нагнулась и подобрала с пола глиняную тарелку.

– Знаешь, старик, – сказала я, глядя в тарелку как в зеркало, – на тебя посмотреть, так и неизвестно, что страшнее: прыгнуть в эту яму или стоять у нее, взвешивая за и против.

Линии на стене проступили отчетливее, изображение старика стало почти трехмерным.

– Ты мне нравишься, девочка. В тебе есть то, что я потерял давным-давно. Жажда продолжать. Это все же важнее, чем любое тело.

– Мне ничего не остается, – ответила я.

– Как скажешь. Я оберну тебя вперед. Если что, я пригля-

жу за твоим телом тут. На случай, если решишь заглянуть.

Я улыбнулась и закрыла глаза. Я была совершенно спокойна.

Комната начала вращаться, и передо мной замелькали бессмысленные картинки.

– Может быть, тебе стоит запустить тот пылающий шар? Вдруг что случится! – выкрикнула я вслед настоящему, что быстро оборачивалось прошлым, разматываясь как клубок, ускользя.

Наконец бредовая карусель достигла пика и щелкнула, переноса меня в.

~часовая деревня~

– Я смотрела сквозь ее глаза, вовлеченная в ее сознание, вместе, но все же раздельно. Я видела ее мысли. Они текли, мутно журча. Я была погружена в них, как в реку. Чувствовала каждый ее ответ, каждую идею. Я знала, что могу повлиять на нее, если захочу, потому что она – это тоже я. Другая я. Может быть, та я, что видит наводящие сны. Я могла вписывать свои слова в ее разум так, что она не замечала подмены-

Тени бормотали по углам. Комната тепло дышала, как покрытая мхом внутренняя стенка живота. Происходящее обволакивало. Я лежала на спине, на мягком полу, с полуприкрытыми; дремотно. Янтарное освещение щекотно подрагивало пламенем свечи. Свеча отражалась в овальном зеркале на стене. Больше ничего в комнате не было. Только я, зеркало, свеча и тени.

Я встала и вышла в коридор: восемь шагов в глубину. Прошла мимо запертой двери в мастерскую и покинула дом, в котором больше ничего не было: только коридор, мастерская и комната. В этой деревне все дома выглядели одинаково, бурые хижиньки-боровики, покатые, без углов.

Снаружи большими, почти бумажными осадками падал снег. Я выбралась на дорогу, повернула налево и дальше,

к тропе, ведущей на Холм.

Я была не одна здесь. Нас было семеро. Нас – сестер.

Я чувствовала их как точки себя в разных местах. Я знала, например, что одна из них, та, с которой мы будем сегодня плести музыку, следовала теперь за мной. Я называю ее Дана. На самом деле у сестер нет имен, но мне нравится обозначать их по-своему.

Тропа огибала Холм вопросительным знаком, вздымаясь вверх, и я шла и шла, белая на белом, пока деревня не осталась далеко внизу, где-то там, за снежным экраном. Достигнув вершины, я ощутила радарные касания чутких блинов-антенн, нацеленных на Холм с крыши каждой хижинки. Они внимали музыке, исходящей с холма. Музыка, которую мы плетем.

Мы, девочки в белом, плетем музыку на поляне, на вершине Холма, сменяя друг друга, когда иссякают силы. Отплетя свою смену, мы возвращаемся по домам и ложимся спать. Иногда нам снятся сны.

Я перевела взгляд на Крайний Дом: духовой инструмент, на котором мы играем своими сознаниями. Он был огромен – выше Холма, длиннее тропы. Литой и угловатый: неправильный многоугольник. Железный. Чужой. У самой крыши Дома виднелось отверстие, из которого звучала наша музыка. До Дома было не добраться пешком, среди глубоких снегов к нему не шло тропы.

Две сестры, Аэс и Шэлл, сидели в центре поляны спиной

к спине. Белые лица. Белые волосы. Белые ресницы. Белые веки. Под ними – белые глаза. Такие же, как у меня.

Я ждала Дану и наблюдала за движениями снежинок. Несмотря на то, что мы, сестры, соединены, в потоке нашего общего сознания у каждой есть своя личная заводь; кармашек в ментальном надбровнике, где думается о другом. Эти заводи не то чтобы отгорожены друг от друга, но мы соблюдаем негласный закон и не интересуемся личными мыслями других. В этих заводях мы, наверное, очень разные.

Я люблю музыку. Мы все любим. Иначе никак. Но я знаю, что, кроме музыки, есть нечто большее, и не уверена, что другие об этом догадываются. Это чувство часто охватывало меня перед сном. Что-то в сладком бормотании теней. Что-то здесь – в промежутках между знакомыми явлениями. Между снежинками. Между Холмом и Крайним Домом. Между пальцами рук.

– Не прикасаясь к потоку ее мыслей, я замороженно глядела в чистые глубины этой девочки. Общий аккорд ее был знаком. Это, несомненно, была я, только выраженная чувственнее. Хрупко, еле касаясь кистью холста. Похоже, что я нашла другую себя в этом снежном мире и сумела проникнуть за ее взгляд. Только вот не помню как. Старик обернул меня слишком быстро, и детали пути ускользнули от моего ментального ока. Фаи не ощущалось рядом-

Дана добралась до вершины Холма, неспешно вышагивая из белизны. Мы обменялись безмолвными взглядами и, взявшись за руки, осторожно подошли к плетущим сестрам.

Момент смены всегда интригует. Музыка не может прерваться ни на мгновение, иначе волна будет сбита. Поэтому мы всегда сменяемся по очереди, в отведенном, откалиброванном танце. Аэс привстала, не открывая глаз, и сделала шаг назад. Сознанием она все еще была там, в Крайнем Доме. Дана преклонила колено и заняла ее место, держа мою руку для контакта. Шэлл тоже отступила, освобождая мне позицию. Я соскользнула между ними, прислонившись спиной к спине Даны. Мы разомкнули руки и ворвались в Крайний Дом.

Это похоже на нырок. Мы выходим из тел и переносим свое внимание туда. Внутри Дом ребрится сотнями створок, ставень и дверец, что раскиданы по запутанным коридорам. С той стороны Дома, которой с Холма не видно, есть еще одно отверстие. Через него дикий ветер завывает внутрь, и мы ведем эту силу по акустическим переплетениям коридоров, изгибая дыхание ветра в музыку, что выходит наружу со стороны деревни и поглощается звуковыми блинами хижин. Этот дом – своего рода флейта.

Наши роли в плетении музыки разделены на левую и правую. Левая сестра сжимает ветер в упругую ясность и ведет ее по комнатам прозрачным, массивным движением, в то время как правая, в противовес, толкает эту ясность ей на-

встречу, замедляя. Так регулируется такт мелодии.

Сегодня я была справа.

Дана, едва ворвавшись, оседлала ветер и задорным щелчком разбила его на два ревущих потока, подметающих стены. Я в ответ приплюснула потоки в корне, тут же снижая их на полтона. Будучи справа, я должна была воспринимать мельчайшие движения левой сестры и мгновенно на них реагировать. Эта игра требует абсолютной концентрации и самоотдачи. Мы протягиваем себя сквозь Дом, осознавая каждый его уголок одновременно, и танцуем-деремся-поем, пока не замигает где-то под сердцем маятник теплой усталости. Тогда мы подаем сигнал другим сестрам и пробуждаем их ото сна, шевеля общим сознанием. Они сменяют нас, а мы возвращаемся домой. Спать.

Так проходит день.

Хотя день – это, конечно, условность. Времени здесь, в этом мире, еще нет.

По окончании смены на сходе с тропы, у столба, мы с Даной обменялись прощальными взглядами. Здесь наши дороги расходились.

Всего в деревне четыре таких столба. Они расположены на окраинах, и их вершины теряются в небесах.

Дома, проходя по коридору мимо мастерской, я остановилась и приложила ухо к двери. Изредка оттуда доносился железный клик. Там, по ту сторону двери, ковал часы загадочный часовщик.

Мы, сестры и часовщики, живем в союзе. Наше пение производит резонанс, вибрации которого настраивают сознание часовщиков на волну времени. Для нас, сестер, музыка звучит игрой нот, гармониями. Часовщики же используют звуки как ориентиры для поиска дверей в умственное плато мгновений. Это своего рода имитация потока времени, ход которого остается загадкой для всех нас. Мы не знаем, что такое время.

Я вошла в полумрак своей комнаты. Тени шептались, хихикая. Я улыбнулась им, легла на бок и закрыла глаза. Сон накрыл меня ширмоватой картой.

—

Я резко оказалась в темноте. Общее сознание стонало занемевшей конечностью – меня истошно звали, я была нужна прямо сейчас. Что-то случилось на Холме.

Я выбежала на улицу и понеслась к Крайнему Дому. Музыка была странной. Она петлила сознание, бросая неуравновешенные гаммы в лицо вперемешку со снегом. Задышавшись, я взбежала на поляну. Там была Аэс. Ее глаза были закрыты, волосы развевались между снежинками. Она плела музыку одна. Ее сознание не сталкивалось с противотоком. Не было второй сестры. Меня. Почему? Почему я не проснулась раньше? Почему не услышала зов? Почему она плетет в одиночестве? Ведь так нельзя; невозможно! Происходящее

не укладывалось в голове.

Я приблизилась к ней, присела и прислонилась к ее холодной спине. Что произойдет, если ворваться в Дом посреди плетущейся мелодии? Изображение спицы, вклинившейся между вертящихся спиц колеса, пронеслось на периферии сознания. Образ кольнул под сердцем, но я не могла бездействовать. Мысли находили друг на друга. Комкая их охапками, я сосредоточила линию и нырнула восприятием в Дом, толкая ветер вслепую.

Мое присутствие перебило логику музыки, и все двери в доме распахнулись одновременно, порождая единую бесконечную ноту. Деревня, казалось, замерла. А снег продолжал падать. Аэс распахнула свои перепуганные глаза. В этой ноте, случившейся впервые за всегда, в ноте всех открытых дверей было что-то невероятное, обезоруживающее. Я вдруг поняла, что четыре столба, расположенные по периметру, – это ноги. Ноги двух исполински неподвижных оленей, возвышающихся над деревней. Их рога, фрактально переплетенные кусты, создавали крышу, укрывая деревню от тяжести неба. Осознание этого словно выбило какой-то межбровный клапан, и мое внимание расширилось.

Я обратила фокус ввысь, за снежные облака, и увидела головы этих оленей. Там, в поднебесье. Мудрые и уставшие. Спокойные. Это продолжалось всего мгновение.

Аэс дрогнула общим сознанием, приглашая начать плести сначала, вместе. Я вернула фокус на поляну Холма, и мы

нырнули обратно в Дом.

Когда наша смена закончилась, мы спустились с Холма и разошлись в разные стороны. По стенкам моих легких стекла трудная ртуть предчувствия неисправимого. Я добралась до дома, еле дыша. Дерево входной двери скрипнуло, обнажая атмосферу серой тишины внутри, контрастирующей с пением улицы. Что-то изменилось. Проходя по коридору, я заглянула в мастерскую. Дверь была открыта.

Никого.

Только инструменты лежали на столе: витиеватые загогулины с рейками и выпаясами. Они были разложены на белой материи, все на строгом расстоянии друг от друга, за исключением одного, трубчатого скальпеля с проводком, который лежал поперек. Витая звуковая труба висела на крючке, ввернутом в стену.

Я вошла. Особое чувство сквозило в мастерской, витал неприкаянный хронос. В этой комнате ковались сосуды для времени. Я сняла звуковую трубу со стены. Она походила на вылитый из латуни тромбон, уходящий в потолок флексоватой трубкой, что выбиралась на крышу. Оттуда трубка принимала музыку с Крайнего Дома радарной окружностью уха-тарелки. Я зацепилась пальцами за язычки на внешней стороне звуковой трубы и натянула ее на голову, как шлем.

Тишина.

Я сняла трубу с головы, повесила ее обратно на крючок и повернулась к выходу. Находиться внутри мастерской

было странно. Я никогда не была здесь прежде. Часовщик не покидал рабочего места, ему это ни к чему. Но где же он теперь? Уходя, я заметила лежащий на полу предмет, похожий на треснутый стеклянный кокос с механической мякотью. Я села на корточки и дотронулась до него пальцем. Черная пыльца. Кварцевый прах покрывал сломанный механизм. Это были часы. Разбитые часы.

Похолодало. Часовщик разбил их. Разбил из-за меня. Его сознание сбилось с волны времени из-за того, что я вмешалась в музыку на Холме. Он потерял нить и разбил часы. Он разбил их, закрыл окуляр и ушел.

Нереальными шагами я вышла из мастерской и прошуршала в полумрак своей комнаты.

Я долго лежала на спине, ошарашенно глядя в потолок. Наконец звуковые чернила теневого шепота окантовали меня, и я растворилась в них, отчаливая.

—

Часовщик ушел.

Я тревожно проснулась, подрагивая веками, в скафандре комнаты, часто дыша переменчивым инеем. Часовщик ушел.

– За взглядом проснувшейся девочки было беспокойно. Вихрем вращались осколки. Что-то произошло.

Я вспрыгнула, взлокачиваясь, мимо зеркала с отражением белого платья в подрагивающей темноте, в коридор, к мастерской, и остановилась.

Пожалуйста, будь там.

Я приложила ухо к двери.

Протяженная тишина.

Клик.

Я провела ладонью по глазам и облегченно вздохнула. Часовщик был на месте. Все в порядке.

– Я притронулась к ее разрядно бьющемуся сердцу. Оно приоткрылось от страха, и я видела розовый свет ее существования, сквозящий наружу. Ее эмоции цвета заката. Она была как раненная птица в небе, парящая за мгновение, за жизнь, до того как упасть. Я катушечно подмоталась и вписала частичку себя в ее волю. Едва заметно. Я поднесла ее ладонь к ее глазам и распрямила пальцы.

Раз, два, три, четыре, пять пальцев. Белые, как снег-

Я посмотрела на руки. Это был сон, да? Память моя была чистой, резкой. Меня переполняла ясность. Впервые за всегда я испытывала необходимость поделиться увиденным с кем-то еще. Я вышла наружу и поспешила на Холм.

Дана ждала меня на вершине. Улыбнувшись глазами, она протянула руку, но я выставила ладонь вперед и подумала прямо в ее личную сторону, в ее заводь.

– Слышишь меня?

Дана сделала удивленный шаг назад.

– Ты чего? – спросила она. Мы никогда не говорили прежде.

– Тебе снятся сны? Когда ты ложишься спать, тебе снятся сны? – Я вся дрожала от чувства вторжения в заводь сестры.

– Да. Мне снятся сны. Что с тобой? – Дана была напугана.

Я чувствовала, как она закрывала свою прежде распахнутую заводь, фокус за фокусом. Наверное, Дана решила, что я больна и могу быть заразна.

– Я направила поток мыслей девочки в аккуратную сторону, успокаивая и надавливая одновременно. Нужно было влиять осторожно. Ведь она такая хрупкая, эта я-

– Я не больна, нет. Прости, что говорю с тобой. Но это очень важно, – сказала я.

– В цепи ее мыслей прозияла брешь. Разрыв-

– Сегодня я видела сон, не похожий на другие. Там музыка остановилась. Тебе снилось такое?

Дана нахмурилась и сделала еще один шаг назад. В глазах ее кругами ходил страх.

– Пожалуйста, ответь. Тебе снилось такое? Что музыка остановилась?

– Нет, – сказала Дана. – Музыка не может остановиться. Ты же знаешь.

Я ощутила послание в нашем общем сознании. Дана огласила в эфир, что я не в порядке, и вызывала другую сестру мне на смену, Ри.

– Воспользовавшись разрывом в потоке ее мыслей я вpleла в него свой вопрос-

– Я знаю, конечно. Скажи, а ты когда-нибудь задавалась вопросом, где это мы? – спросила я, но Дана смотрела в сторону, избегая моего взгляда. Ее заводь закрылась. Она не слышала меня больше.

– Прости, – сказала я с горькой интонацией, развернулась и ринулась вниз с Холма, сквозь снег и сложные слезы в горе.

Достигнув подножия, я добежала до самого края деревни, туда, где стоял последний столб. Запыхавшись, я обхватила столб руками, прижалась к нему лбом и не плакала, только в груди прыгали огоньки. На ощупь столб был как костный сердечник. Я посмотрела наверх, туда, где все сливалось белым от мельтешащих снежинок, и увидела границу там, где костистость столба переходила в иной покров. Я пригляделась сильно-сильно, пытаюсь различить природу этого покрова. Это было похоже на кожную шерсть. Это могла быть шерсть. Оленья шерсть. Мне стало трудно дышать.

– Я окунулась лицом в сеть ее сознания, переставляя значения, заменяя многое собой. Это могло быть опасно, но что опасней: мое искусственное вмешательство или ее естественный разрыв? Над потоком ее мыслей раскачивался маятник, по которому паутинились трещины. Я зацепилась за него руками и стала раскачиваться вместе с ним, равняя его ритм со своим. Внутри у девочки все накренилось, но я держала баланс. Я была сосредоточена до предела и не видела ничего больше. Когда вступила Фая: «Общий поток. Смотри в общий поток!»

Я перевела внимание на общее сознание сестер. Оно было взбудоражено. Не все, но многие сестры проснулись от послания Даны и вышли посмотреть, что случилось. Они блуждали по деревне в поисках девочки, меня, но ее не было видно. Она выпала из общей картины-

Я неожиданно для себя широко улыбнулась. Олени? И вдруг, лишившись контроля, яростно затрясла кистями рук, будто стряхивая с них безумие.

– Я теряла ее и не знала, что делать. Мне снова вспомнился тот мир с лиловыми небесами. Мир, который пострадал из-за меня. Вспомнился лодочник.

– Фая! Фая! Помоги мне! – вскричала я.

Она ответила тут же, вспышкой в междупростран-

стве.

– $x_< \sim ! > x$

Да. Это было решение. Я выпустила маятник из рук и вписала в общее сознание сестер свой крик: « $x < ! ! >$ » «Здесь!» —

Я впиалась в столб ногтями. Земля подо мной ходила ходуном, я была готова упасть и исчезнуть, когда появились мои сестры.

Их белые фигуры возникли, казалось, со всех сторон одновременно. Они окружили столб живым кольцом и медленно приближались. Я ощущала себя маленькой и взведенной. Сестры обняли меня, баюкая. Их теплое дыхание овило мои сосуды добрым коконом. Я глубоко зажмурилась, отдаваясь.

– Я откинулась назад, облокотившись на ее затылок изнутри, с глубоким выдохом. Маятник успокоился и мерно считал. Поток ее сознания разгладился и продолжался. Опасность миновала.

Я обратилась к Фае:

– Спасибо.

– Не за что, – ответила она строго.

Я вдруг поняла, что очень хочу вернуть ее. Мою единственную подругу. Мы, кажется, были в ссоре, но я не знала почему. Не помнила.

– Фай, прости меня, ладно? – подумала я в ее сторону.

Она молчала, но молчала тепло.

— Мне тебя не хватает, — подумала я искренне.

— Я знаю, — ответила она, и мне стало легче. Намного легче-

—

Жизнь сливалась в маревную протяженность. Музыкальные извивания на флейте Крайнего Дома чередовались с шепчущими снами в комнате с дрожащей свечой. То чувство больше не являлось, но интенсивность воспоминания все еще была яркой: исполинские олени между деревней и небом.

Этот опыт изменил меня. Я стала другой, не такой, как остальные сестры. Я осознала, что весь мой видимый мир был лишь малой частью мистического целого. Это знание осколком в ментальной роговице определяло мое восприятие. Все выглядело иначе теперь, будто петляющий спектакль с наведенными образами. Вскоре я привыкла к этому новому восприятию и принимала игру как есть, вместе с падающим наискось снегом. К тому же у меня была музыка.

Моя сегодняшняя смена подошла к концу, и я окончательно вернулась в свое тело. Сегодня я была левой сестрой. Правой была Дана. Она коротко взглянула на меня, прощаясь, и двинулась вниз по тропе, исчезая за снежной завесой. Я осталась стоять у едва заступивших на пост Аэс и Шэлл, глядя на громадину Крайнего Дома.

– Я потерянно смотрела в этот мир, как в хрустальный шар с медленным танцем белых молекул. Фая являлась иногда безмолвным отдаленным мерцованием, обозначая, что она все еще здесь, со мной, но ничего не происходило, и я все ждала, была, текла-

Мое внимание зацепилось. Что-то выбивалось из привычной картины. Новый элемент почти здесь. Да. Вот оно. Блекло-серое пятнышко. Что это? Оно скользило сквозь снег, нарезая вокруг Дома плавные круги. Мои ткани онемели.

– За ее взглядом нервами натянулись нити, и я встрепенулась от дремы. Произошло. Началось. Надвигались перемены. Будто к монохромной плоскости приближался цвет-

Я сосредоточенно следила за движениями пятнышка, не сводя глаз. Оно увеличивалось в размерах. Проявлялись детали. Это, несомненно, была птица. Серая, с большой головой и широкими крыльями. Она летела в мою сторону. Я стояла не шелохнувшись, наблюдая за тем, как птица снижается. Совершив последний, самый амплитудный разворот, она чиркнула крылом у самой моей щеки и ринулась вниз, в деревню. Я побежала следом.

– Я улыбнулась уголком рта. Птица выгравировала «>» в междупространстве. Она звала за собой. Птица знала

границы-

Я остановилась у ближайшего столба, выдыхая облачка пара, глядя в белые небеса. Птицы не было видно. Я упустила ее. Обогнув столб по левую сторону, я сделала три шага в том направлении и остановилась в нерешительности. Может, мне все это показалось?

– Я видела мерцающий вектор, след, намеченный птицей. Я осторожно написала свою волю в ее мысли и повернула голову девочки в другую сторону. Но вектор уже иссяк, и следовать стало некуда-

Я бродила по улицам в поисках птицы до тех пор, пока изможденность не отяготила мой ум. По затуманенной усталостью улице я добралась до своей комнаты и повалилась на мягкий пол. В переходном состоянии скольжения я отметила присутствие чего-то иного. Это «иное» было похоже на изображение, которое я воспринимала носом. Или звук, но в совсем другой форме.

– Комнату наполнял запах, который ассоциировался с сырым железом. Любопытная мысль посетила меня, что это был первый запах, который я услышала с самого начала моего осознания здесь. Запах сырого железа. Похоже, что этот мир был лишен обонятельной информации. Мне

понравилось, как девочка объяснила себе этот неиспытанный прежде феномен: «Звук в другой форме» —

Я решила, что это ощущение – лишь часть надвигающегося сна, и не придала ему значения.

—

Но оно не было частью сна. Когда я проснулась, странное присутствие все еще витало в комнате. Я встала на ноги, повернулась в сторону источника присутствия и только затем распахнула веки.

Это была птица. Она сидела, повиснув в воздухе напротив зеркала, повернутая ко мне лицом, так, что ее сложенные крылья отражались в зеркале, а свеча отбрасывала на стену массивную черную тень. У птицы были пепельные крылья, выдающийся клюв и невероятные огромные круглые глаза с желтыми зрачками – два идеальных круга. Я никогда прежде не видела птиц. Мы смотрели друг на друга неподвижно, и не было между нами страха.

– Я попыталась установить контакт с птицей, проектируя грани через сознание девочки, но так как второй разум девочки не был раскрыт, мои попытки ни к чему не привели-

– Кто ты? – подумала я в сторону птицы.
Та безмолвно качнулась в ответ.

– Я протиснула свой вопрос в мысли девочки-

– Откуда ты? У тебя есть для меня послание? – спросила я почему-то.

Птица качнулась вновь. На этот раз почти незаметно.

– Она не понимает языков, – сказала Фая.

– Почему? У нее нет разума? – спросила я недоуменно.

– Есть. Но только второй. Это сова.

– $x < ?$ — спросила я.

– Совы – это крылатые мосты. Они летают между снами и соединяют одних созданий с другими.

Я задумалась.

– То есть у нее открыт второй разум, а первый нет? Но как?

– А зачем ей первый разум? – спросила Фая. – Сова – это мост. Перемычка. Она соединяет. Ей не обязательно быть кем-то. Ей не нужно быть никем.

– Что ты имеешь в виду? Что значит – ей не нужно быть никем?

Фая постепенилась, отстранившись на мгновение, будто обдумывая свой ответ.

– Хорошо, — сказала она наконец. — Предположим, что

мы не знакомы. Представься. Кто ты?

– У меня нет имени. Я не обозначена.

– Так. Имени нет. Но что-то же есть? Что-то о тебе, что делает тебя тобой.

Я принялась перечислять свои признаки:

– Я выгляжу. У меня есть тело. Я девочка. Я умею выдумывать предметы так, что они возникают. У меня есть память. Я вижу сны. Я путешествую....

– Верно, – сказала Фая.

А теперь опиши себя, используя второй разум. На гранях.

– $x <$, – ответила я.

– И все?

– $x <$. Ничего больше. Я, кажется, поняла о чем ты.

На гранях нельзя ничего описать, потому что любое описание подразумевает использование символов, так?

Фая мысленно кивнула: «Продолжай».

– Символы есть только в языках. В гранях – направления.

А направлениями ничего не объяснить, это просто точки координат. Когда я думаю « $x <$ », я всего лишь указываю место, где находится то, о чем идет речь, в данном случае – я.

– Да, — кивнула Фая.

– А это значит, что у существа, у которого раскрыт только второй разум, нет никакого «я». Только местонахождение.

– Молодец, — улыбнулась Фая.

Все это было просто и крайне логично. С освещением это-

го знания зазыбилось что-то еще. Что-то важное и такое же простое. Но Фая прервала катушку моих мыслей.

— > х!~, — выгравировала она.

Я оглянулась вниманием.

Девочка стояла, положив ладонь на макушку совы. Оборот нового дня приближался. Ей было пора на Холм. Я легонько подтолкнула ее, выводя из забытья-

Я очнулась. Мне нужно было идти. В общем сознании пока было спокойно, но в любой момент моя задержанность могла пробудить интерес сестер. С этой мыслью я внезапно обнаружила себя по ту сторону непонятных баррикад. Это чувство, выросшее из семени того далекого сна про исполинских оленей, наконец расцвело с явлением птицы. Я ощущала пока неясную мне миссию. Я стояла на пороге неизвестного, мне было страшно и сладко.

У двери в мастерскую я оглянулась. В огромных птичьих глазах прыгал огонек свечи. Я вышла на улицу.

—

Сегодня я была справа.левой сестрой была Мэ, одна из тех, кто теряет лицо во имя музыки, буянясь, как джазовый змей, что в неистовой, свободной форме, стекает по лбу. Каждый раз Мэ отдавалась плетению без остатка. Под ее прохладной кожей будто извивалась горячая лава. Обычно я лю-

била плести с Мэ, но сегодня у меня в комнате была птица. От осознания этого мой фокус то и дело замутнялся, и сосредоточиться на отражении мелодий Мэ было непросто. Дважды я чуть было не пропустила ее лихие выпады, однако она была слишком увлечена своей свободой и не обратила внимания на мою отстраненность.

Отыграв, я с нетерпением помчалась домой. Птица все еще была там, хотя и висела теперь ниже, у самого пола. Я встала перед ней на колени и взгляделась в ее глаза. Особое чувство призерканило мои глазные нервы. Приятное. Как когда сладко засмотришься в одну точку и отводить не хочется.

Вблизи глаза совы казались еще больше. По какой-то причине я не отражалась в них. Томный гипноз постепенно отбросил остальное изображение комнаты, оставив только матовую поверхность этих глазных яблок, серебрящихся влажной пеленой. Сразу за пеленой они переходили в глубокие озера, вроде тех, что с головой и глубже, и глубже, и глубже, пока глубже не переходит в дальше, и дальше, и дальше. И вот глаза совы оптически сошлись воедино, как стереокартинка, в одно чистое око. Посреди глубины этого ока тонул единый зрак – не интенсивно желтый, но янтарный и вязкий, как мед.

– Очень приятное немо-чугунное чувство нарастало в затылке. Растущий транс сковал меня. Завороженная этим

зрелищем, я пропадала. Сова не гравировала более граней-

Я моргнула все же и не смогла поднять веки после. Утомленность настигла меня.

—

С каждым днем я, казалось, проникала все глубже. Не то чтобы видела что-то новое в совиных глазах, но само гипнотизирующее чувство уводило меня все дальше. Все чаще я рассеивалась в этих глазах, распускаясь, пока не оставалось лишь темное озеро с янтарным островом совиного ока посередине.

– Распознавание произошло внезапно. Будто всполохи клякс на листе бумаги, что складываются вдруг в осмысленное изображение, которое уже не развидеть после. То, что девочка воспринимала янтарным островом, увиделось мне субмариной, затерянной в темных глубинах. Едва эта идея коснулась моего сознания, тут же стали очевидны детали: торпедно-пузатая форма с выпученными иллюминаторами и выступающим гладким поддоном. Субмарина дрейфовала сквозь океаническую бездну под давлением, а глаза совы были окнами в тот мир.

Я поделилась открытием с Фаей.

– Это субмарина, – сказала я.

Фая кивнула.

– Там кто-то есть, — подумала она в мою сторону.

Я пригляделась. На мгновение мне показалось, что в иллюминаторе мелькнуло что-то белое.

– Ты скоро увидишь, – сказала Фая. — Он там.

– Кто?

– Фигура в больничном халате.

Белое пятно вновь возникло в иллюминаторе. Фая была права. Там кто-то был. Через этот странный оптический коридор миров, сквозь взгляд девочки и окна совиных глаз я наблюдала за незнакомцем в белом. Мне стало интересно, видит он меня или нет. Прицельно собрав мысли, я выгравировала в его сторону гранями «х <:?»

Я ждала ответа-

Что-то шевельнулось в общем сознании. Любопытная стезя сестер вытянулась хромосомью. Цвет фона общего сознания слегка изменился во фрагменте, примыкающем к моей персональной заводи. Вогнулся. В эфире вокруг меня, казалось, застывала странная медуза. Течение замедлялось. Видимо, созерцание совы каким-то образом влияло на мою заводу. С точки зрения общего потока она казалась тромбом.

– Он ответил. Незнакомец с субмарины знал грани.

~x> П x> П x> x> П x> П x> x> П x> П x> ~

От этих посланий зону под моим ментальным сердцем

зябко прилунило. Я никогда прежде не видела таких строк. Тон за его гранями был мертвый, лишенный чувства. Как если бы грани были записаны на пленку и проиграны на механической шкатулке-

Состояние моей заводи не беспокоило меня. Мне было все равно. В последние дни я ощущала себя наиболее изолированной от общего сознания. Что-то происходило совсем рядом со мной, или даже во мне, о чем я не имела понятия. Будто была другая я, с другой памятью и смыслом, оперирующая сумрачными инструментами моего бытия. Это началось довольно давно, но так было не всегда. Это происходило даже сейчас.

– Это все ты делаешь? – спросила я сову, но та в ответ лишь переступила с ноги на ногу, разминая свою левитирующую позу.

Должно быть, нет. Все началось еще раньше. Я встала и подошла к зеркалу.

– Что со мной? – спросила я свое отражение.

Свеча продолжала подрагивать. Отражались крылья совы, стена и я – цвета снега.

– — Кто-то идет, – сказала Фая. — Слышишь?

Я радарнулась вокруг. В эфире действительно ощущалось направленное движение.

– Это одна из сестер, наверное, — ответила я довольно

безразлично. Меня занимало другое. – Что такое с этими гранями? Не могу понять. Их будто мертвец гравирует.

– Да, похоже на то, – сказала Фая.

– Ты встречала такое раньше? Знаешь, что это? — спросила я.

– Нет, — ответила она-

– Что со мной? – спросила я свое отражение в зеркале.

– Я почувствовала, как внимание девочки разобратилось: оно свободно плавало, ощупывая, в поисках ответа. В поисках меня. Я тут же рассеяла свой покой и наклонилась ей навстречу. Вопрос о мертвых гранях фигуры с субмарины отошел на второй план.

– Ты в порядке, – ответила я ей осторожно, чтобы не испугать-

Ответ пришел, как теплый сквозняк, – чужими, но дружеско-любными мыслями. Я приложила палец к губам.

– Кто ты? – спросила я шепотом.

– Фая явилась и мигнула в междупространстве, совсем как пиксельный лаз с пластилиновой реки. От нее исходили волны любопытства-

– У меня нет имени, – ответила я девочке-

– Ты птица, да?

– — *Нет, птица – это не я-*

– А кто ты?

– — *Я друг. Подруга, — ответила я и ощутила странный аккорд в груди. Он отрезонировал от Фаи и растворился до того, как я успела осознать его природу. Моя реплика, несомненно, оказала воздействие на Фаю, но какое? И почему? —*

Я улыбнулась в ладошку. Некто был на моей стороне. И этот некто не был одной из нас, не был сестрой. Меня охватило новое, незнакомое доселе чувство запрещенных крыльев в легких.

В общем сознании тромб моей заводи сгустился еще плотнее. Я отличалась. Я сильно отличалась.

– А где ты, подруга? – спросила я.

– *Я задумалась, но емкое определение для описания моей текущей ситуации все не складывалось.*

– *Как объяснить ей так, чтобы она поняла? – спросила я Фаю наконец.*

Фаю не ответила. Она отстранилась по каким-то своим, неизвестным причинам-

Общее сознание взнемелось привычным зовом. Мне было пора на Холм.

– Пока, подруга, – сказала я в зеркало. – Мне нужно идти. Увидимся в конце дня, да?

– Да, – ответила я, отмечая, что с появлением птицы она почти совсем перестала спать-

—

Мое пение, левое, свободное, носилось по перегородкам Крайнего Дома с особым куражом. Я была заряжена до предела и радостно смеялась, плескаясь сознанием, атакуя правую Дану с самых неожиданных ракурсов. Музыка выплеталась текучая, живая, искристая. Я не знала усталости и была немного разочарована, когда Дана маякнула, что пора заканчивать партию. Мы чинно отступили с поляны, соблюдая танец. Я обратилась к тропе, готовая скорее нестись домой, к птице и таинственному другу, но Дана вдруг остановила меня.

– Постой, – подумала она в мою заводь. Я обернулась.

Дана внимательно смотрела в меня. Я чувствовала исходящую от нее рентгенность.

– Ты изменилась, – сказала она с заметным усилием.

– Да, – ответила я, чувствуя нарастающую готовность к чему-то непредсказуемому.

– Я ощутила, как внутри девочки натягивается струна, вращающаяся спиральюми внутрь. Я прижала ее на полтона, охлаждая сердечный бит-

– Это связано с тем сном? – спросила Дана. Ей было очень трудно говорить.

Позитивная агрессия осела внутри, и я вдруг поняла, что Дана просто заботится обо мне.

– Со мной все в порядке, – повторила я слова Подруги и добавила: – Не беспокойся.

– Хорошо, – сказала Дана.

Наступила пауза. Снег падал медленно.

– Музыка – это главное, – сказала она наконец. – Не забывай. Для нас, сестер, это все.

– Девочка хотела возразить Данае, но я опередила ее, выловив слова из ее ума до произнесения. Нам не нужны были лишние волнения. Вместо этого я кивнула ее головой-

Дана отвела взгляд и пошла вниз по тропе, не оборачиваясь. Ее фон мерцал грустным цветком. Я смотрела вслед, пока ее силуэт не растворился в пейзаже, и думала, почему так.

— Несмотря на все мои попытки объяснить, она не в силах была понять, как я могла находиться за ее взглядом. В ее мире попросту не было ассоциации с подобной идеей, и ее разуму не за что было зацепиться. Так что я перестала ее мучить и согласилась на том, что живу в ее комнате и представляю собой своего рода сложную тень, что было не так уж далеко от правды.

Она в красках описала мне сон об остановившейся музыке, который я наблюдала через ее глаза много дней назад. Она сказала, что все другие дни, до сна, теперь сливались в ее памяти в один монотонный турнир, который хоть и сверкал суперновыми бесконечных оттенков гармоний, там, на Холме, все они все же происходили из одного цвета и были не более чем его градациями. Сон про оленей, как она выразилась, «поставил ее на непонятные рельсы, которые ведут в темноту».

Она говорила об этом с восторгом и ярким желанием узнать больше. Она задавала вопросы. Откуда я пришла. Есть ли у меня тело. Есть ли другие, такие же, как я. Я отвечала как могла, а вместе с тем думала о своем пути в этот мир и из него. Что случилось после того, как нарисованный старик обернул меня вокруг оси? Через что я прошла на перемотке, прежде чем проснуться здесь? На этот раз, однако, у меня была цель. Мне нужно было узнать, ви-

дит ли эта я наводящие сны, но я не имела понятия, как к этому подступиться.

День за днем она молча созерцала птичьи глаза, прерываясь лишь когда приходила ее смена плести, и мысли ее бледнели в журчащем молоке помех. Для ее очнувшегося от вечного сна осознания эти совиные очи были вроде окон прочь. Их бездонное пространство утоляло ее обнаруженный голод. Теперь, когда неизвестное приоткрылось, снежной коробки деревни ей было уже недостаточно.

Один за другим продолжали тянуться долгие-долгие дни, и я вяло рассеивалась в бесформенной однообразии.

В один из этих размытых дней покой междупространства вдруг исказился, зажегся посланием. Я встрепенулась. Это был кластер данных. Он прибыл из субмарины совиных глаз и был ясно очерчен. Я развернула кластер, пробуждаясь от монотонной стужи, и кластер моргнул, рассеивая частицы.

«II» ~ <II <:x <:x».

Следом голос фигуры в белом халате начал вещать сквозь помехи радиоприемника-

Пошуршивающая запись; голос худощавой фигуры в больничном халате, прерываемая непродолжительным белым шумом (#) —

Множество раз я держал палец на кнопке, но так и не решился нажать. Если я сделаю это, таймер обнулится. Эта нелепая коробка с зелеными цифрами #, которая никогда не перестает считать. Я знаю точно. Всегда знаю точно, сколько времени прошло с момента погружения #599, 581 #, 594 секунды. Пятьсот девяносто девять миллионов пятьсот восемьдесят одна тысяча пятьсот девяносто четыре секунды, девяносто пять, девяносто шесть, девяносто семь... это девятнадцать лет. Не может быть. # Этого просто не может быть. Но что, если я нажму? Что, если я уничтожу эту информацию, обращу таймер в ноль? Я думаю об этом снова и снова, взвешиваю, и каждый раз трепещущая мошкара пронесится по позвоночнику. Ведь тогда меня ждет липкая страшная вечность, разве нет? Этот отсчет – все, что у меня есть. Здесь же ничего не меняется. # И я. Я такой же, как и был девятнадцать лет назад. # Эта подлодка – пространство в восемь шагов # и приборы. А еще я не могу спать. Я просто не устаю. Никогда.

– Запись кликнула, переворачиваясь аудиокассетой. Интересно. Я не знала, что можно вишивать языковые послания в кластеры граней. Снова зашипело, и голос продолжил-

###

Я разработал систему поз, которые можно принимать в этом пространстве, и описал в точности каждую деталь субмарины с каждого обозреваемого угла. Чтобы убедиться в достоверности своих данных, мне иногда приходилось замирать подолгу, зачастую в крайне неудобной позиции, и всматриваться. Однажды мне довелось простоять на плечах, закинув ноги на железную стенку, двести с чем-то секунд, пока моя голова не покраснела, как воздушный шар. В одном месте, например, пластины покрытия немного отступали, щетинились на микроскопическом уровне, и я записал это тоже. Туда, в базу данных, когда она еще работала, пока я не разбил блок памяти. Пока не разбил его кулаком от страха, так что вся моя энциклопедия, скрупулезно накопленная, разложенная и надиктованная, обратилась в ничто. В пустое место. Я тогда слушал свои записи, чтобы не забыть, какие места уже зафиксированы, а где еще нужно поработать. И однажды меня вдруг перекрыло, что это я говорю из приемника, но только не этот я, а другой. Тот я, который остался в прошлом. Которого больше нет. Голос на записи, этот «мой» голос не был моим. Это было эхо. И я остро осознал, что я такой же. Что меня больше не будет для того меня, что впереди. От этого в уме моем галлюцинация в пещерном платье зашла за угол и пошла пошла, пошла, шелест шагов обращая в шасси патефона, в шепот, в скрежет, тот, что изнутри и не заткнуть уши руками.

– Клаустрофобная ишина резиново надавила на виски. Я вообразила это судно, замкнутое пространство на невыс-
лимой глубине. Ученого, сходящего с ума от скуки. Как его
любопытный, остро заточенный ум исследователя стра-
дал в заточении. Как он вел аудиожурнал, фиксируя мель-
чайшие подробности субмарины. Как он слушал свой соб-
ственный голос, там в темноте, описывающий детали
внутренней отделки, устройство приборов, температуру,
давление, высоту, ширину, глубину. И некуда деться. Запись
ширкнула вновь-

#

Случилось невероятное. Сегодня сквозь стенку субма-
рины прошла призрачная фосфоресцирующая стрела. Она
пронзила насквозь, не повредив обшивки. Стрела была ши-
рокая, как ствол дерева, и сквозь нее было видно. Подвод-
ным купидоном она зависла, слегка вращаясь. Я никогда
не видел ничего подобного. Я подошел ближе и дотронул-
ся до нее рукой. Она не ощущалась напрямую, скорее как
что-то щекочущее энергетически, вроде поля. Разведя ру-
ки в стороны, как бы обнимая вокруг нее, я вошел в стре-
лу головой. Поле теребило мозг пальцами. Это было неопи-
сваемо. Вместе с тем, в легких мозга поехало, и я как бы от-
крыл другие веки. Будто они всегда были на поверхности мо-
их физических век, вторым слоем. Я увидел пейзаж, состо-

ящий из чистого света. Свет завивался, приобретая формы, меняя угол падения. Стрела начала двигаться, продеваясь сквозь мою голову как нить через игольное ушко, завинчивая свое послание в память. Из послания я узнал, что в этом световом мире все воспринималось как игра с безуданно колышущимися правилами. Ангельский голос поведал мне, что для своих игр световые создания выдумывают маленькие карманные вселенные, которые зависают в обмороке, после того как создания покидают их, наигравшись. Фосфоресцирующей вереницей эти миры-на-паузе дрейфуют сквозь пространство, пока не наткнутся на другого скучающего световика, который их разбудит для игры.

Я чувствовал, как информация проходит сквозь мозг, органы, клетки. Я открыл широко рот и глотал наоборот эту блуждающую стрелу обморочных миров.

Кто-то засмеялся колокольчиками. Должно быть, моя поза показалась световому созданию забавной. Между тем стрела иссякала, завершая свой путь сквозь мою голову. Ангельский голос произнес: «Дом ветра не ограничен пустотами. Места под тяжелым небом описаны в книге. Книга в доме». С этими словами стрела покинула субмарину, оставив за собой тающий магнитный шлейф и что-то еще, будто светящуюся пыльцу, что осела на моем сознании.

Я лежал щекой на полу. Блуждающая стрела передала мне послание на незнакомом языке, со своей, особой логикой. Я попытался произнести это послание вслух, но выразить вер-

бально его не получилось. Шифр был иного порядка; уровень логики был другим. Я перевернулся на спину, глядя в потолок. Вокруг была железная тьма субмарины. И тут меня тронула метаморфоза. Я ощутил новую мышцу – вне тела. Я мог управлять ей, сжимать и разжимать, не шевелясь при этом физически. Это было не просто движение. Это было письмо.

«П» ~ <П <:х <:х», – двинулся я в этой новой манере, прыжком выгибая ум. Сформировалось нечто вроде фразы. Следуя неясному порыву, я ударил по сообщению волей, как теннисной ракеткой, и оно полетело прочь: сквозь стену, сквозь воду, туда – наружу.

#

– П» ~ <П <:х <:х-

Это было моментальное уточнение; позиция – яркая, в неопределенной волнистой мгле междупространства. Это была карта. Местонахождение. Фокус моего второго разума заострился, наводясь, и я проследовала за ним вниманием. Местонахождение чего? Это явно был какой-то предмет, похожий на упакованное знание, на статичную запись, запечатанную в словах, на физическом носителе. На бумаге. На страницах под переплетом. Грани сообщения указывали на книгу, спрятанную в этом мире. На книгу с тайной. Я дотронулась до сознания девочки, как до плеча, пробуждая

ее от гипноза совиных глаз-

Я очнулась. Меня влекло. Я встала с пола и причувствовала. По ногам бродили кусачие волны затекших кровей. Она звала меня. Подруга. Я подошла к зеркалу и всмотрелась в отражение, открываясь.

«Это ты зовешь? Ты здесь?»

– Во мне азартно пульсировало. Впервые за все мое пребывание в часовой деревне наметился шанс. Я ощутила близость направляющих снов. Это было оно. Обитатель субмаринны навел меня на путь. Но я не могла пройти по нему сама, мне нужно было ее тело, ее шаги. Я подбирала верные слова. Случилось то, чего я так ждала, и я боялась спугнуть.

«Да, это подруга, – ответила я. – Я узнала кое-что и хочу поделиться с тобой».

В ней шевельнулось интересом-

«Что же это?» – я придвинулась еще ближе, почти касаясь глади своего отражения в зеркале.

– Я приклонила что-то в ее сознании, одновременно расширяя пальцами, раздвигая в стороны. Любопытство сделало ее сознание податливым.

«Это может быть опасно, – сказала я и выдержала паузу. — Ты не сможешь забыть. Назад пути не будет» —

Она моргнула уставшими, тяжелыми веками.

– Я знала ее ответ наперед. Я слишком долго была с ней. В ней. Ей-

«Говори. Я готова. Я не боюсь».

– Она и правда не боялась. «Как же она устала», – подумала я, глядя сквозь ее глаза в отражение ее глаз в зеркале. В этот короткий момент мне захотелось пойти на пятую, сказать «забудь», не втягивать ее больше, но было уже слишком поздно. К тому же мне не хотелось остаться в этом мире навсегда. Может, для нее все и обойдется. Может, ничего страшного. С этой мыслью я выдохнула вскользь и выдала ей направление.

«Здесь, в деревне, есть книга. Секретная книга. В ней содержится ответ на то, что тревожит тебя. Там описано все. Книга эта находится в Крайнем доме. Внутри» —

Я ждала продолжения, но его не последовало.

– Что значит внутри? – спросила я наконец.

– Я почувствовала себя трудно. Однако другого пути

не было. Я попыталась объяснить ей, насколько это было возможно.

«Обычно, когда ты плетешь музыку, часть твоего внимания остается на поляне, вместе с твоим телом. Чтобы найти книгу, тебе нужно будет переместить свой фокус в Дом целиком, не оставив в теле ничего. Перенести себя всю».

Я поставила ясную точку интонацией, обозначая, что больше ничего не скажу. Да и нечего было больше сказать.

Я укрылась темнотой в углу ее сознания и потерянно мажнула Фае, путаясь в эмоциях. Я знала, что совершила очень рискованный шаг, и мне было не по себе. Фая не отозвалась на мой сигнал-

Я неподвижно глядела в зеркало, пока общее сознание не шевельнулось, призывая меня на Холм. Наступала моя смена. Я подобралась. Все так же отстраненно, но железно и горячо трепыхалось во мне предчувствие. Я закрыла глаза. На мгновение чудовищно захотелось спать, но нужно было идти. Отчего-то подумалось, что я, может, уже никогда больше не лягу спать.

«Спасибо, подруга. Я пойду. Увидимся», – сказала я зеркалу, прислонила ладонь к его прохладной поверхности и вышла на улицу. Мягкий снег донной стеной оседал снаружи.

Внутри же, среди пляшущих теней, все еще тлел влаж-

ным последствием отпечаток моей ладони на зеркале, искажая отражения.

Дана ждала меня на Холме, словно написанная маслом, иссушенная ветром, как осенний лист подо льдом, зимняя принцесса, балерина, персонаж.

Она открыла свою заводь.

«То, что с тобой, – это не музыка», – подумала она прямо в меня. Подумала направленно, страшно.

Я сделала шаг в сторону сосредоточенно плетущих сестер: Эс и Мо, – улыбаясь Дане глазами.

У Даны не было выбора, кроме как последовать за мной. Плавными движениями мы заступили на пост. Когда я прислонилась к ней спиной, ее плечи дрогнули. Сегодня я была справа, а значит, поэзия была за мной.

Привычным нырком я перенеслась внутрь Крайнего Дома. Движениями ума я перевела внутренние задвижки, дверцы и окошки в любопытные положения. Моя комбинация была сложной. Достаточно сложной, чтобы занять левую Дану на несколько мгновений.

Ветер хлынул по открывшимся путям цикадрилью, выдувая мелодию. Пока Дана умирляла потоки, я осторожно выделила часть своей осознанности, вроде нового глаза, и щупала этим глазом вовне, прислушиваясь к ощуще-

ниями. Фрагмент моего внимания все еще находился в теле, на Холме, цепляя меня к материи, вроде якоря. Эта маленькая часть меня всегда была там, так естественно, что я не замечала ее прежде. Это была защищенная, обутая часть души, обозначающая, что я есть. Чтобы понять, как отделиться, было достаточно обнаружить ее существование. Ни единой мысли против не возникло во мне. Я не собиралась отступать.

Шагнув циркульным шагом вовне, мое сознание объединилось внутри Крайнего Дома, оставляя телесную оболочку совершенно пустой, снимая меня с якоря. Я ощутила себя свечой, завернутой в теплое полотенце, которую переламывают пополам. Не быстрым, агрессивным рывком, а парафиново, медленно. Затем последовало такое же ощущение, но наоборот, будто переломанная пополам свеча срастается воедино. Я оказалась в Крайнем Доме.

При полном внимании он выглядел совершенно иначе. В комнатах располагалась мрачная графская мебель с подсвечниками, на полках шкафов стояли книги в твердых переплетах, с истертыми корешками неброских цветов. Полы устланы тяжелые ковры. В этом интерьере я ощущала себя привидением.

Я прошла вдоль стены и заглянула за угол. Коридор с обоями. Узоры, как солнечный удар на той стороне век. Двери в другие комнаты. Залы. Прихожие. Лестницы. Ковры, обои и мебель. Всюду безустанно трепещущие задвиж-

ки. Я была здесь множество раз, но никогда не видела ничего, кроме этих задвижек. Я все еще продолжала управлять ими частью сознания, совершая свои правые выпады. И Дана была там. Она носилась по комнатам невидимым противовесом, возвращая повернутые мной задвижки в исходное положение. Вот как оно на самом деле выглядело. Я, по сути, играла на флейте. На доме-флейте, нажимая кнопки-задвижки\двери\окошки силой мысли.

Держать фокус в двух положениях одновременно было трудно. В одном положении я продолжала плести музыку, а другое, то, что прежде оставалось в теле, было теперь здесь, внутри Дома. Я ощущала незнакомую энергию, охватившую грудь, вроде морозного бодрого воздуха. И в то же время я смертельно устала. Как перелетная птица.

– Давление в ее сознании упало, вместе с частотой вибраций. Она совсем истощилась за эти бесконечные дни, созерцая совиные глаза вместо того, чтобы спать.

Я эмпатично притянулась за ее взглядом.

«Может, все обойдется для нее», – подумала я с надеждой. Мне очень хотелось, чтобы обошлось-

Я придерживала простую мелодию, ровно перехлопывая задвижки. Параллельно, я замедло шагала по коридору сквозь трудный воздух непривычной осознанности.

– Я шепнула ей в мысли местоположение книги-

Я знала точно, куда идти. Чистое, неразведенное чувство влекло меня. Я зашла в маленькую комнату с раскидистой лампой на ножке и выдвинула ящик стола. Там лежал стеклянный шарик, перьевая ручка, красные, синие и черные склянки с чернилами и книга в ритуальной обложке из кожи древней рептилии, на которой был вытеснен металлом символ – переkreщенные олени рога. Я вынула книгу и положила ее на стол. Теперь я видела свои руки, книгу на столе и настольную лампу.

На первой странице ничего не было.

На второй был эпиграф:

«Проходящим».

Далее, крюкавым почерком по линиям, следовало:

~

Я не знаю, откуда ты, читающий, и знаком ли ты с понятием времени.

Исходя из своего опыта, я полагаю, что в любом мире, где возможно движение, ему (движению) необходимо пространство. Событию нужно место, чтобы существовать, так же, как и предмету.

Чаще всего в роли этого пространства выступают так называемые Обороты.

Обороты – это элементарная структура, которая возвращает мир в начало, как только цикл завершен. Так работает большинство миров, через которые мне довелось пройти, так же работает и мир, в котором ты находишься сейчас. Однако есть места, для которых такой уклад не подходит.

В этих местах вектор движения не замкнут сам на себя, как случается в Оборотах, а устремлен в бесконечность. Там нет завершающегося цикла, после которого все повторяется. Каждый миг в таком мире уникален и никогда не случался прежде.

Пространство, в котором происходят никогда не повторяющиеся события, называется Время.

Знаешь ты это или нет, но ничто не происходит само собой и не является из ниоткуда. Даже Обороты, несмотря на свою повторяемость, не вращаются автоматически – ими движет осознанная сила.

Однако для управления временем просто осознанной силы недостаточно. Необходимо еще и знание.

Время, в отличие от Оборотов, не исполнено раз и навсегда. Оно нуждается в непрерывном обновлении. Время – это тонкая субстанция, которую необходимо выдумывать, синтезировать из особого сырья, Хроноса, прежде чем запускать в ход. Лишь немногие знают как. Те, кто знает, называют себя Часовщиками.

Хронос – достаточно редкое вещество. В его поисках одинокие Часовщики бродят из одного мира в другой, пока

не найдут источник. Вокруг источника Хроноса Часовщик выдумывает мастерскую, запирается внутри и приступает к своим мистическим занятиям. Готовое, синтезированное время он запаивает в Часы – тяжелую непрозрачную сферу. Внутри сферы время запускается в ход.

Пожалуй, «запускается» – не вполне подходящее слово. Не будь обманут его значением. Время не запускается само. Его запускают. Там, в Часах, возникают существа. Откуда – мне неизвестно. Может, они приходят из другого мира, а может, являются побочным эффектом обработанного Хроноса. Так или иначе, они образуют организованное поселение внутри Часов и следуют строгому графику работ.

Их жизнь продвигается изо дня в день циклично и монотонно. В их мире ничего нового не происходит, что является верным признаком того, что их мир также движется Оборотами. Мне довелось понаблюдать и изучить нехитрые повадки обитателей Часов.

Все они живут в часовой сфере, как в одном большом здании, поделенном на ячейки – комнаты. Говоря цветовым языком, все там стерильное и металлически белое. Ячейки симметрично расположены вокруг бледно-зеленой Линии – спицы, проходящей через всю сферу точно посередине. Линия с обеих сторон упирается в Циферблаты, которые Линия заводит как механические игрушки. Таким образом Линия – это заводной ключ, который заставляет двигаться стрелки на противоположных Циферблатах. На одном из них стрел-

ки идут влево, а на другом – вправо.

От Линии в каждую ячейку-комнату отходит по тончайшему проводку цифрового цвета. Там они подключаются к настенным приборам, точным копиям Циферблатов. Таким образом комнаты соединены с Линией.

Большая часть ячейки\комнаты обитателя Часов устроена, как колесо. Его труд заключается в том, чтобы бежать по этому колесу, вращая свою ячейку, как шестеренку. Прибор на стене передает вращение по проводку к Линии, от которой совместная мощность всех ячеек внутри сферы заводит стрелки, чтобы время на Циферблатах продолжало идти. Те, кто живет по левую сторону от Линии, заводят своим бегом правый Циферблат, а те, кто по правую – левый.

Приземистые, микроскопические, однолицые трудяги в черных сюртуках, с длинными носами и уставшими глазами проводят здесь свою жизнь цикл за циклом. По завершении рабочего дня они ложатся спать и набираются сил, чтобы завтра все повторилось снова. Пока левая сторона сферы спит, правая работает, и таким образом ход времени никогда не прерывается.

Все же я долго не мог понять: если здесь, в деревне, времени нет, и там, в Часах, времени тоже нет, то откуда же оно появляется в тех мирах, где оно есть? Что является переходной ступенью между оборотами и временем? Цикл оборотов должен быть нарушен, разве нет? Но как? И какую роль в этом играет Хронос?

Вскоре ответ обнаружил себя сам: ключом были сны угрюмых работяг.

Оказалось, что каждый из них ведет вторую, невероятную жизнь по ту сторону бодрствования. Они встречаются друг с другом во снах и отправляются в путешествия по сияющим долинам. Вместе они спускаются в мрачные глубины, покоряют вершины, взмывают птицами в далекие небеса. Там они свободны – раскинуто и незамутненно. Их воспоминания искрятся героическими подвигами и подобны древним сказаниям.

Однако каждый раз, пробуждаясь в часовой сфере, они не помнят абсолютно ничего. Для памяти сновидений в их рабочем сознании попросту нет места, поэтому их память хранится вне этого мира, удаленно. Так что, отходя ко сну, часовые рабочие подключаются к этой удаленной памяти и продолжают свою сагу неразрывно, как если бы дневной жизни и не было совсем.

Сновиденная память этих существ настолько весома, что выражается физически. Из-за своей хрупкости, чувствительности к свету и природной неприязни к любого рода сферам она склонна скапливаться под землей – там, где воздух, давление и лучи не достают. Она похожа на клейкую массу и образует катышки, которые, плотнея, формируют ядра. Эти ядра памяти – мощные энергетические образования, настоящий клад для тех, кто знает, как ими пользоваться.

Они находятся здесь, в этом мире, глубоко под снегом.

Дальше следовала страница с вытесненным чернилами символом оленей, таким же, как на обложке, и слова «История Часовой Деревни».

Прежде все небо было тяжелым, а Сознание – невозможным. Было сумрачно, и снег падал на монотонный белый ландшафт. Снежные дюны покрывали безликий Мир.

Так было до того, как в Мир явились Олени.

Эти исполинские создания питаются снами других существ и в поисках пищи путешествуют по вселенным. В их копытах прячутся длинные языки\пуповины, которые они могут ввинчивать в почву. Эти языки способны уходить на большую глубину и исследовать недра на предмет заплутавших сновидений. Олени буравят материю любопытными шнурками этих пуповин, пока не наткнутся на лакомство.

Их было двое. Долго шли они по снежной пустыне в поисках спящих, но мир этот выглядел пустым и безнадежным. Здесь, казалось, ничего не происходило и некому было спать. Наконец поход изморил их, и они остановились передохнуть.

Ввинчиваясь в снег, язык Оленя вскоре наткнулся на сладкий предмет. Это был сгусток памяти, плотный, как смола, физический и вкусный. Никогда раньше олень не встречал подобного лакомства – такого количества снов, скатанных вместе, да еще и таких интенсивных. Обычно сны раскиданы порознь, по одиночке, и весьма эфемерны. Олень прицепился к странному объекту языком и втянул информацию в себя. Банк сновидений открылся ему. Теневая память

об удивительных жизнях мириадов существ, слепленная воедино в теплый сгусток под снегом. Ошеломленный, он поделился своим открытием с компаньоном, и тот также прикоснулся к сгустку.

С тех пор поток снов не иссякал. Еды всегда было в достатке, и оленям незачем стало двигаться с места. Они так и остались стоять лицом к лицу, копытными языками в землю, наслаждаясь непрерывной трапезой. Только их рога продолжали беззвучно расти, спутываясь друг с другом как колочки.

Тяжесть неба, проходя сквозь рога оленей, притуплялась и не добивала до земли. Таким образом, их рога образовывали козырек, крышу, под которой небо было достаточно легким и пригодным для жизни. Недостаток тяжести неба оказывал воздействие на почву. Из-за перепада давлений на поверхности возник белый фон – особое состояние пустоты.

Эта феноменальная кондиция оказалась идеальной средой обитания для свободного геометрического шума, Хроноса, который, как ты помнишь, является главным компонентом Времени. В результате Хронос хлынул в этот мир из близлежащих пустот и стал сбиваться в стайки, а после и в концентрированные единицы.

Свечение этих концентратов в Эфире привлекло Часовщиков. Пораженные обилию неприкаянного Хроноса они явились на зов и спешно выдумали свои мастерские для перевода Хроноса во Время. Часовщики расположили мастер-

ские под рогами оленей, так, чтобы тяжесть неба не давила на крыши. Как только мастерские обрели место, Часовщики заперлись внутри и вдохновенно приступили к работе.

Однако, несмотря на объем неприкаянного Хроноса, их труды не увенчались успехом. Причина была в том, что хоть Тяжелое небо и не прессовало более мастерские напрямую, там, за пределами оленьих рогов, оно все еще производило Безмолвный Грохот, который сбивал тонкую медитацию Часовщиков, делая синтез Времени невозможным.

Объединив свои сознания, Часовщики собрались в условно существующем месте и провели мгновенную беседу по этому поводу. В результате они пришли к выводу, что если сознанием настроиться на Волну Времени, то любой Хронос с готовностью перейдет во Время, стоит лишь такому сознанию к нему прикоснуться.

Однако, чтобы ощутить вибрации Волны Времени, необходимо было само время. А времени в этом мире нет. Только обороты. Тогда они решили обмануть свои сознания.

Идея была в том, чтобы притвориться, будто они уже настроены на Волну Времени, а дальше все наладится само. Они согласились, что легче всего обмануть сознание можно при помощи звука, потому как звук и сознание сделаны из одного и того же материала.

Было решено совместными усилиями выдумать исполинский духовой инструмент и поставить его на краю их поселения, так, чтобы один его край выходил наружу, за пределы

оленьих рогов.

Инструмент должен был работать, как свисток. Ветер снаружи задувал в отверстие и, проходя сквозь инструмент, преломлялся его структурой, отчего получался громкий звук, покрывающий все мастерские. Инструмент был назван просто, Крайним Домом.

Частота этого звука заставляла сознания часовщиков поверить, что они пребывают в мире, где время уже есть, и они тут же настраивались на Волну Времени. В этом состоянии их медитация была особенно сильна, что позволяло им синтезировать Время, не отвлекаясь на Грохот Тяжелого Неба.

Однако вскоре начали происходить странности. Несколько Часовщиков вдруг начисто потеряли чувство цвета. Другие заплывали вниманием и принялись ментально дубеть. Один Часовщик бесследно исчез.

Причиной оказалась истощающая монотонность Звука. Непрестанно погруженные в одну клубящуюся ноту, вибрирующую на чужой частоте, они попросту начинали терять себя и растворяться в ней.

Пытаясь избежать этих последствий, они перенесли понятие Звука на другой план, так, чтобы тот не просто наводнял все пространство под Рогамы, а был точно сфокусирован на определенных точках. Этими точками были выбраны крыши мастерских. Часовщики оснастили их звуковыми блинами – локаторами. От локаторов сигнал передавался внутрь мастерских по трубке со шлемоподобным агрегатом

на конце, который часовщик надевал на голову для детальной фиксации.

Но все пошло не так, как планировалось. В первый же день работы в новых условиях двое выпали из мира и бесследно сгинули в звуковой тьме, оставив после себя лишь незавершенные Часы.

Инцидент привел часовщиков в замешательство. Они не могли объяснить произошедшего. После этих событий большинство часовщиков решили, что этот мир представляет опасность, и покинули его безвозвратно.

Немногие оставшиеся начали экспериментировать с внутренней структурой Крайнего Дома, пытаясь добиться безопасного Звуча. В ходе испытаний оказалось, что если изгибать ветер определенным образом, можно было менять тональность свиста и получалась музыка. В отличие от монотонного гудения, музыка была вариативна и не утомляла сознание, оставаясь при этом на Волне Времени.

Впечатленные результатами, часовщики оснастили внутреннее убранство Крайнего Дома системой коридоров и задвижек для управления потоками ветра. Это позволило им извлекать сложные многоэтажные гармонии, которые не только настраивали их сознания на нужную частоту, но и улаживали восприятие, побуждая к идеям. Другими словами, дом-свисток был обращен в дом-флейту.

Однако чтобы извлекать логичную музыку, внутренности Крайнего Дома нужно было постоянно контролировать, пе-

ремещаая задвижки созвучными аккордами. Для этого кто-то всегда должен был находиться у Дома и плести музыку для остальных.

Стоит заметить, что между синтезом времени и музицированием нет ничего общего. Высокоразвитые во многих аспектах, часовщики совершенно не разбирались в искусстве композиции и не имели никакого желания его постигать.

Тогда появились девочки.

Сестры-близнецы. Эфемерные альбиноски: снег и воздух. Откуда – трудно сказать наверняка. Может, они всегда были здесь, заморожены в грунт, неподвижны и неотличимы от пейзажа. Или же прежде они существовали лишь абстрактно, а действия часовщиков пробудили их интерес, и они материализовались.

Так или иначе, часовщики встретили сестер со спокойным древним любопытством. Вступив с ними в контакт, они обнаружили, что те обладали исключительно гибкими многофокусовыми сознаниями и в ходе контакта контролировали свои идейные шаги с акробатической точностью.

Девочки интересовались громадиной Крайнего Дома, его устройством, назначением, и если это музыкальный инструмент, то почему он молчит. На последний вопрос часовщики отвечали, что он молчит, потому что на нем некому играть.

Одна из сестер сказала тогда:

«Любое сознание ищет выражения,

Согласно своим пристрастиям.
Музыкальный инструмент,
Оставленный в покое,
Естественным образом,
Рано или поздно,
Будет обнаружен музыкантом».

Смысл строк был размыт, но общая сила очевидна. Обескураженно очарованные, часовщики допустили сестер до Крайнего Дома и дали им полную свободу самовыражения. Едва тугие, свежие гармонии зазвучали со стороны Дома, часовщики наэлектризованно заперлись в своих мастерских, звенящие в преддверии долгожданной работы. С трюмбонами приемников на головах, используя Звук музыки как маяк, сознания часовщики настроились на Волну Времени, и процесс синтеза пошел, как спуск по мягкой реке, – прохладно и гладко.

—

Холодным рывком я оторвалась от чтения.
Это случилось.
Я потеряла фокус.
Я зачиталась и потеряла фокус.
Тот фокус, что управлял музыкой.
В какой-то момент я перестала плести мелодии.
Как давно это произошло?

Осознание вины навалилось дрезиновым омутом.

Я ощутила.

Музыки.

Больше.

Не было.

Только.

Одна.

Нота.

Осталась.

А.

Все створки,

Дверцы,

Задвижки,

Окошки

Были распахнуты и

Деревню наводнял монотонный звук.

Я ощутила, как в мастерских часовщики роняют стеклянные кокосы часов и те разбиваются вдребезги, а маленькие человечки в черных костюмах, с длинными носами разбегаются в стороны, в ужасе, в новом огромном странном мире, как птенцы, лишенные своих привычных петель.

Это я была во всем виновата.

Как температурный сон, в котором

Голос из приемника говорит,

Будто обвиняя в чем-то
И вместе с тем прощая,
Глубоко, с тоской: «Эх... ты...»
И жаль тебя,
И ничего не поделаешь уже.
Я зажмурилась и снова открыла глаза.
Но просыпаться было некуда.
Это случилось на самом деле.
Мой кошмар сбылся.

~лабиринт~

Момент замер в кадре, и оказалось, что я смотрю на написанную маслом картину. На ней была изображена девочка в белом посреди богато обставленной комнаты. Лицо ее было скрыто за каскадом белоснежных волос. В руках она держала книгу с перекрещенными оленьими рогами на обложке. На заднем плане сквозь отверстие в стене виднелся кружок неба с падающим снегом.

– Нравится? Глубоко, да? – сказал высокий улыбочный голос в черном плаще.

Я обернулась. Повсюду были бетонные стены, с шарпом. Они образовывали уходящий в стороны лабиринт. На стенах лабиринта висели полотна в рамах. Наверху было небо, а внизу галька. Пахло смесью озона и ржавчины – кровь с кислородом. Я была в галерее.

– Так выглядит любое изображение, если знать, как смотреть. То, что помещают в раму, – это последний кадр в истории. Последний момент из всего того, что в ней случилось, – продолжил голос. – Совсем как когда умираешь и понимаешь, что всю жизнь смотрела на картину. А ты уже ничего не помнишь, ага?

Я переводила взгляд из стороны в сторону, пытаюсь понять, откуда доносился голос.

Он засмеялся шелковым сквозняком.

– Эко тебя крутанул старик, без шуток! Вообще ничего не помнишь. А я думал, ты просто тормозишь. Но ты, похоже, на перемотке шла и запуталась или типа того. Что ж, тогда позвольте повторно представиться – мсье Коллекционер.

Голос галантно поклонился, разводя плещ себя в реверансе.

– Если хочешь обращаться к тому, что выглядит, то говори в стены. Считай, что я – этот лабиринт вокруг. Это так же, как и с картинами, последний кадр моей истории. Я его для тебя сделал. Чтобы ты нашла себя. Вспоминаешь теперь?

Он говорил вкрадчиво и эмпатично, но в то же время с иронией, как бы насмехаясь.

Я покачала головой и медленно двинулась вдоль стены, прочь от картины с часовой деревней. Во мне колыхалось.

– Да что там в деревне случилось? – спросил он.

Я посмотрела наверх, мои глаза – полные блюдца слез. Я не хотела отвечать.

– О да, наверное, это тоже надо повторить, ты же не помнишь. В общем, ты можешь не утруждаться говорить со мной. Я и так вижу все твои мысли.

А мысли мои зияли пламенем. Я ненавидела себя. Я использовала эту девочку, рискнула ее жизнью, чтобы достичь своих целей. Какое я имела право? Не зря Фая не хотела принимать в этом участия. Она знала, что потом пожалеет. Она все знала, а я не понимаю вещей. Я маленькая, неосознанная, беспомощная. У той девочки была чистая душа. Чистая. А я

толкнула ее в этот Дом, заставила ее идти наперекор стра-
ху. За этой проклятой книгой. Думала, что это направление.
Направление, не направление – какая разница?

– Направление, – эхом повторил Коллекционер. – Направ-
ление куда? Ты вообще помнишь цель своего путешествия
или тоже не?

Я остановилась перед следующей картиной. Она морфи-
лась глубинами: было трудно сказать, что на ней изображе-
но, цвета плавали.

– О, вот свободная форма, как раз к месту. Ее можно под
что угодно сделать. Могу в ней перекинуть тебя немного на-
зад, чтобы ты вспомнила слегка, раз уж так получилось, а то
мне не в кайф все повторять по новой. Окей?

Я кивнула.

– Смотри, – сказал он, и картина стеклась жидким пазлом.

В моем восприятии будто вытянули глубину, как каран-
дашную линию, которая, изображая коридор, уходит внутрь
листа. И я оказалась там, внутри картины. Только на этот раз
у меня не было своей воли. Я смотрела неуправляемый сон.

—

Вокруг мигали красные маяковые огоньки. Я шла по щи-
колотку в воде. Абсолютная ночь без звезд окружала меня.
Вдали гуднул пароход. Я говорила с Фаей, а точнее, слушала
свои собственные реплики, шевеля губами, предугадывая их

за мгновения до. Непрерывное дежавю.

– Меня проволокло как бы, знаешь? Я думаю, на пару миров, не больше. Хотя откуда мне знать на самом деле.

Вода была прохладной и маслянистой. Подол моего платья намок и волочился.

– Теперь вот я иду к пристани, потому что Слух направил. Рыболовная фаза там, – он сказал. И я понимаю, что это значит в логике этого мира, но если подумать в целом, то я без понятия. Осталась ли у меня своя собственная логика? Отдельная от любого мира? Была ли она? Вот в чем дело, Фай.

– Не думаю, что такое бывает, – отозвалась она. – Любая логика основывается на окружении, и наоборот.

– Но с чего-то же все началось, разве нет?

– Нет, ничего ни с чего не началось.

– Откуда ты знаешь, Фай? Откуда ты все знаешь?

– Я вижу, – ответила она. – Можешь мне верить.

– Если ты все видишь, то скажи мне. Пусть у всего в принципе нет начала, но с чего хотя бы началось это путешествие? Зачем я иду? Ты же знаешь, да? Знаешь же!

Надо мной низко пролетел массивный плоский объект; черный, сливающийся с ночью. Фая молчала.

– Ведь было бы намного проще, разве нет? Проще было бы идти, зная куда! И ты знаешь, но почему-то скрываешь? Зачем ты это делаешь? Ты – единственное близкое мне создание!

От этих слов в Фая взметнулось сильное чувство.

В этот момент я зацепилась за что-то ногой.

Я наклонилась к воде, чтобы распутать.

Фая жарко задыхалась по ту сторону меня. Она будто хотела остановить, закричать «Нет!», не позволить мне увидеть, за что это я зацепилась.

Это нечто было тверже, чем водоросль. Оно прочно обви-лось вокруг щиколотки и не отпускало. Я выдумала луч света из лба и осветила руки, выдергивая. Это была колючая проволока.

Красным меня пронзило воспоминание. Ребенок, свернувшийся калачиком в небольшом помещении. Вроде прямоугольной комнаты или вагона между сном и явью. Это мальчик. Вокруг его лба была намотана колючая проволока, проходящая сквозь замочную скважину меж его узких глаз и наверх, вокруг тускло горящей лампочки.

Это он. Я вспомнила. Я вспомнила, зачем все это. Зачем я иду. Глядя на свои ладони в мокром свете фонаря с намотанной на палец колючей проволокой, посреди бездонной морской ночи в неизвестном мире, я произнесла:

~

~

~

~

Я иду за братом, Фая...

~

~
~
~

—

Передо мной замер последний кадр истории, картина в раме: ладони с колючей проволокой. На втором плане, на черном фоне было подвешено несколько красных огоньков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.